АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

9
Т98

Редакционная коллегия
А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

$\frac{0162\text{-}2086}{042(02)\text{-}73}$ Т 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Л. С. Ефимова.* Младший редактор *Р. Г. Канторович.* Художественный редактор *И. Р. Бескин.* Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 6

А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология 7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед . . . 18

А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности 24

А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке 36

Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии 51

Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности 62

В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв. 69

Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования *турок ~ тюрк* и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов) 93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей» 141

А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым 186

Приложение к статье А. Н. Самойловича

Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов 212

Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР 213

И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии 2

Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским 231

Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров 235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

С. Г. Кляшторный (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
Л. П. Потапов (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
С. М. Абрамзон (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
Ф. Х. Арсланова (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 306
А. Д. Грач (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла . . .
С. Г. Кляшторный (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
Л. Г. Савинов (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
Ю. И. Трифонов (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
Р. А. Гусейнов (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
А. Д. Новичев (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем . 396
Список сокращений 401

ХРОНИКА

В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

Г. Ф. Благова

ВАРИАНТНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ *ТУРОК ~ ТЮРК* И ИХ ЛЕКСИЧЕСКОЕ ОБОСОБЛЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)

1. В 1902 г. П. М. Мелиоранский заявил о том, что он присоединяется «к тем ученым, которые не считают нужным вводить два термина „турок" и „тюрк", так как все... [тюркоязычные.— *Г. Б.*] народы и племена с таким же правом могут носить объединяющее их имя „турок", как всевозможные славяне (русские, болгары, чехи, поляки и т. д.) имя славян» [1].

Такая позиция, находящаяся в явном противоречии с современной терминологической дифференциацией, получает культурно-историческое объяснение, стóит только обратиться к диахроническому исследованию смысловой эволюции вариантного заимствования *турок~тюрк* и всех обстоятельств его бытования в русском языке, в некоторых его литературных стилях (прежде всего — в научном).

Почти тысячелетняя история жизни в русском языке тюркского заимствования *тӱрк* — наименования некоторых тюркоязычных соседей русского народа — богата фонетическими и морфологическими модуляциями слова: оно воспринималось русским языком не однажды из уст сменявших друг друга, хотя и родственных между собой, тюркоязычных народов и осваивалось отнюдь не однолинейно и не постепенно, а с большими перерывами во времени и, по-видимому, в источ-

[1] П. М. Мелиоранский, Турецкие наречия и литературы,— «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. XXXIV, СПб., 1902, стр. 159.

никах[2]. Колебательность фонетического и морфологического оформления разновременных вариантов этого заимствования по мере углубления специальных знаний о тюркоязычных народностях и их языках[3], а также в связи с эволюцией самоназваний самих этих народов со временем стала рационально использоваться русским языком в целях семантической специализации — для выражения видово́го и родового этнопонятий. В конечном счете это привело к превращению двух основных вариантных рядов форм в самостоятельные слова разной «силы» обобщения — *турок, турецкий* (видовое понятие) и *тюрк, тюркский* (родовое понятие).

Изучаемое заимствование вошло в русскую лексику в сопровождении целой «свиты» его же производных или же этимологически связанных с ним слов (таких, например, как *трухмен* и *туркмен, Туркестан* и др.), а также искусственно привязываемых к нему на основе ложной этимологии (*Туран, туранский*)[4], и они (за исключением *Туран, туранский*) тоже могут внести свою лепту при описании бытования слова *тӱрк* в русском языке. Место, которое занимало изучаемое вариантное заимствование внутри лексической системы русского языка[5], было, естественно, неодинаковым в разные периоды жизни этого слова в русском языке не только из-за приобретения им обобщающей «силы», но и потому, что в разное время это слово вступало в различные — недолговечные или довольно постоянные — отношения с другими восточными заимствованиями этнонимического же характера.

Описание вариантных заимствований *турок, турецкий* ~ *тюрк, тюркский* по возможности во всех их русских репрезентациях с учетом их семантического движения, во всей многообразности и сложности взаимоотношений этих слов с другими заимствованиями этнического содержания — одна из

---

[2] Н. К. Дмитриев в таких случаях говорил о «различных стадиях одного и того же слова». Ф. Е. Корш, напротив, считал, что наименования *тюрки, турки* и старинное *торки* происходят «все три из *тӱрк* или *тӧрк*» — слова, принадлежащего тюркскому народу, по его предположению, «может быть, даже близкого к османам» (Ф. Е. Корш, Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве,— ИОРЯС, 1903, т. VIII, кн. IV, стр. 24 и прим. 25).

[3] О сложных отношениях между тюркскими этнонимами и названиями тюркских языков в средние века см.: Э. В. Севортян, О некоторых вопросах исторического изучения тюркских языков,— «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960, стр. 4.

[4] Этноним *türk* в сопоставлении с такими этническими наименованиями, как *Turken, Turkmānen, Truchmēnen, Turanier* и др., рассматривался еще в кн.: F. v. Erdmann, Temudschin der Unerschütterliche, Leipzig, 1862, стр. 43.

[5] Ср.: Н. К. Дмитриев, О тюркских элементах русского словаря,— в его кн.: «Строй тюркских языков», М., 1962, стр. 507.

задач предлагаемого исследования. Очерк бытования заимствования *тӱрк* в русском языке и превращения его вариантов в самостоятельные слова для обозначения видового и родового этнопонятий имеет не только исторический, чисто познавательный интерес. Такой очерк может принести и вполне практическую пользу, если принять во внимание, что еще в наши дни за пределами тюркологии (в смежных областях лингвистической науки, в общем языкознании) продолжают произвольно использоваться устаревшие термины для обобщающих понятий, касающихся тюркских языков и шире — вообще урало-алтайских языков.

2.1. В тюркологии многочисленные попытки этимологизации слова *тӱрк* известны с давних пор (в Европе первая попытка толкования этого слова относится к VII в. н. э.[6]). Не входя в разбор этих этимологий, уже хотя бы потому, что «ум человеческий нигде так не увлекается, как в вопросах этимологических»[7], отметим только, что, по признанию исследователей, слово *тӱрк,* по-видимому довольно пóзднее, первоначально выступало как политический термин, как собирательное имя военного союза племен[8], «долго не получая конкретного этнического содержания»[9] и пока еще не обозначая всю совокупность тюркоязычных народностей[10]. «Как коллективное название, обнимавшее целый ряд народов, родственных между собой по языку» и «по признаку единства... политической власти», слово *тӱрк* стало использоваться в сочинениях арабских географов и историков[11]; древнейшее упоминание здесь приходится на VI в. н. э.[12]. Подобное же сло-

---

[6] См. об этом: А. Н. Кононов, Опыт анализа термина *тӱрк,*— СЭ, 1949, 1, стр. 42. Там же представлен наиболее удачный и полный обзор попыток этимологизации *тӱрк.* Ср.: M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, 20. Lfg., Heidelberg, 1956, стр. 155, где принята точка зрения В. В. Радлова (см. его «Опыт словаря тюркских наречий», III, СПб., 1905, стлб. 1559, 1560).

[7] А. Борнс, Путешествие в Бухару, III, М., 1849, стр. 348.

[8] См.: В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа,— сб. «Туркмения», I, Л., 1929, стр. 9; А. Н. Бернштам, Происхождение турок. К постановке проблемы,— «Проблемы истории докапиталистических обществ», М.—Л., 1935, № 5—6, стр. 46—47; С. П. Толстов, К истории древнетюркской социальной терминологии,— ВДИ, 1938, 1(2), стр. 81.

[9] С. П. Толстов, К истории древнетюркской социальной терминологии, стр. 81. Иллюстрация одного из не-этнических значений слова *тӱрк* в современном языке: «*туркана адам* „простые люди“ (*турк* „простой“)» («Грамматика туркменского языка», I, Ашхабад, 1970, стр. 141).

[10] См.: В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 10; Е. Д. Поливанов, Материалы по грамматике узбекского языка, Ташкент, 1935, стр. 9, прим. 1.

[11] В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 9, 10.

[12] T. Kowalski, Die ältesten Erwähnungen der Türken in der arabischen Literatur,— KCsA, 1926, II, 1—2, стр. 40, 41.

зоупотребление было распространено и у персов: например, «гуннов, живущих на севере восточных областей», по свидетельству греческого историка VII в., «персы обыкновенно называют... тюрками»[13]. Вслед за арабскими и иранскими писателями и у европейцев[14], прежде всего у греков, привилось аналогичное использование слова *түрк*[15] (греч. τοῦρκοι[16]).

В русских летописях этот (если можно так выразиться) «социоэтноним» появляется под 985 г. для обозначения «политического объединения приднепровских торков»[17] — «кочевого народа тюркского происхождения»[18], которых русские

[13] Феофилакт Симокатта, История, М., 1957, стр. 77. «Речь идет о тюркских племенах, живших на северо-восточной границе Ирана, в бассейне Аму-Дарьи» (там же, стр. 203).

[14] З. Ямпольский находит упоминания о *turcae* («тюрках») уже в I в. н. э. в сочинениях римских ученых — географа Помпония Мела «De chorographia» и энциклопедиста Плиния Старшего «Naturalis historia» (см.: З. Ямпольский, Древнейшие сведения о тюрках в зоне Азербайджана,— «Уч. зап. Азерб. гос. ун-та. Серия языка и литературы», Баку, 1966, 2, стр. 63).

[15] См. у Феофилакта Симокатта (История, стр. 102): «...к племенам гуннов, которых наша история неоднократно называла тюрками». См. также: J. Deguignes, Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux, t. I—IV, Paris, 1756—1758; ср. еще: П. А. Фалев, Введение в изучение тюркских литератур и наречий, Ташкент, 1922, стр. 39.

[16] См.: Д. С. Лихачев, Комментарии,— в кн.: «Повесть временных лет», II, М.—Л., 1950, стр. 288. Ср. также: Г. Е. Грум-Гржимайло, Историческое прошлое Бэй-Шаня в связи с историею Средней Азии, СПб., 1898, стр. 34, прим. 2.

[17] Ю. А. Кизилов, Феодальная раздробленность русской земли и монголо-татарское нашествие,— «Материалы 4-й научной конференции преподавателей Кустанайского пед. ин-та. Тезисы докладов и сообщений», Кустанай, 1967, стр. 37. См. также: Г. А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, [М.], 1966. П. В. Голубовский (см. его «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар», Киев, 1884, стр. 57, прим.) особо подчеркивал, что «понятие, выражаемое словом „τοῦρκοι", нетождественно с понятием слова „торки"».

[18] Д. С. Лихачев, Комментарии, стр. 360. Ср. также: В. Татищев, Напомнение на присланное [П. И. Рычковым] описание народов, что в описании географическом наблюдать нуждно (1749),— в кн.: П. Пекарский, Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, СПб., 1867 («Сборник статей, читанных в ОРЯС Имп. Академии наук», т. II, № 1), стр. 166; П. В. Голубовский, Об узах и торках,— ЖМНП, 1884, июль; П. П. Иванов, Очерк истории каракалпаков,— сб. «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935, стр. 12 и сл. Д. С. Лихачев утверждает, что «летопись впервые упоминает тюрков под 1054 г.» (Комментарии, стр. 360), ср., однако: «Повесть временных лет», I, М.—Л., 1950, стр. 159— *торъки*. Для датировки появления в степях Восточной Европы племен, носящих социо-этническое название *түрк*, небезынтересно замечание В. В. Бартольда (Очерк истории туркменского народа, стр. 11): «Уже в первом арабском географическом труде, в сочинении Мухаммеда Хорезми, относящемся во всяком случае к первой половине IX в., из двух Скифий Птоломея первая, западная, отождествляется с „землей турок", вторая, восточная,— с землей тугузгузов».

совершенно осознанно выделяли среди других известных им тюркоязычных народностей (ср., например: «Тортмени и печенези, и торци и кумане рекше половци» — Лавр. лет. 1377 г., л. 77 об., 78) [19].

2.2. В этом первом русском упоминании — *торъки* (Лавр. лет. 1377 г., л. 27), «старейшем заимствовании из древнетюркск. *түрк*» и притом присущем «только древнерусскому языку» [20],— оригинал претерпел существенные модификации. Прежде всего изменялась огласовка слова: палатализованный узкий губной гласный заменен здесь веляризованным широким губным; в связи с этим исчезла сингармонически обусловленная мягкость начального и последующих согласных. Депалатализация начального сингармонического комплекса $C + V$ произошла, безусловно, на русской почве. Что же касается расширения узкого губного гласного $ү > ө$, то оно могло исходить и из собственно тюркской диалектной речи; во всяком случае, здесь необходимо учитывать зафиксированные исследователями тюркские формы, непосредственно ими этимологически связываемые с изучаемым социоэтнонимом, например: *Törküt* [21], *төрөкмән* [22], *төрек* «турок», *төрекмән* «туркмен» [23].

Тенденция к расширению депалатализованного *ү* была свойственна и русскому восприятию в разные исторические периоды, ср., например, этноним «туркмены» в форме *тортмени, тортъмени* (у Д. С. Лихачева I, стр. 152: *торкмене, торкмени*) под 1096 г. в Лавр. лет. 1377 г. (л. 77 об., л. 78), а также более позднюю производную от *түрк* форму *Торкустан* в «Поездке из Орска в Хиву и обратно, совершенной в

---

[19] Здесь и ниже приняты сокращения для некоторых памятников русской письменности в соответствии с правилами картотек древнерусских словарей XI—XIV и XV—XVII вв., которые находятся в собраниях Института русского языка АН СССР и материалами которых воспользовалась автор при написании предлагаемой работы.

[20] M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, 20. Lfg., стр. 124.

[21] А. Букшпан, К вопросу о значении имени тюрок,— «Известия восточного фак-та Азерб. гос. ун-та». Востоковедение. Баку, 1928, т. II, стр. 60.

[22] Р. Г. Кузеев, Родо-племенной состав башкир в XVIII в.,— «Вопросы башкирской филологии», М., 1959, стр. 67, 69. Добавим, что передача *түрк* с широким губным гласным отражена и в византийских первоисточниках (см.: З. Ямпольский, Древнейшие сведения о тюрках, стр. 62). Возможно, такая передача обусловлена османско-турецким влиянием — во всяком случае, Ф. Е. Корш отмечал «превращение *ү-ӱ* в *о-ӧ* в кастамунийском говоре (у европейских турок, кажется, только в заимствованных словах: *möhlӱz* из араб. *муфліс...*)» (Ф. Е. Корш, Турецкие элементы, стр. 24, прим. 25).

[23] «Татарско-русский словарь», М., 1966, стр. 575. Ср.: J. Németh, Der Volksname *türk*,— KCsA, 1926, II, 1—2, стр. 278, прим. 2.

1740—1741 гг. Гладышевым и Муравиным»[24]. Примечательно, что и Марко Поло наряду с узколабиализованной огласовкой приводил формы с широкой губной гласной: *torque, torquie*, а также *torcomanie*[25].

Расширение депалатализованного узкого губного на русской почве могло иногда приводить и к утрате лабиализации. Иногда это явление сопровождалось дифтонгизацией, ср. *таумены* в Лавр. лет. 1377 г. (л. 153), *таоурмены* в I Новг. лет. (лл. 95 об.—96). Случай полной утраты лабиализации представлен в Лавр. лет. 1377 г. (л. 68 об.) — *търкы*, под 1080 г.[26]. Об известной распространенности разогубленного варианта может свидетельствовать и то, что Иоанн де Плано Карпини в 1246 г. среди «названий земель, которые они (татары.— *Г. Б.*) одолели», ставил рядом два наименования: «Турки, Тарки»[27]. Ю. Немет приводит (по Габеленцу) для *türk* также и вариант *targ*[28].

Вместе с тем очень важно отметить и то, что исходная лабиализация огласовки при русской передаче чаще всего сохранялась, мало того — достаточно рано можно наблюдать случаи дифтонгизированной передачи исходного узкого губного гласного: *Тоурьскаго* [града] (Ефрем. кормч. XII в. л. 279а; то же — Ряз. кормч. 1284 г., л. 384г, и Лобк. прол. XIII в., л. 46в), *тоурьскыи* (Г. Амарт. XIII—XIV вв., л. 227 г). В «Летописце Переяславля Суздальского», изданном М. Оболенским (М., 1851, стр. 51), под 1091 г. упоминается форма с вполне современной огласовкой *турци*[29]. Узколабиальная огласовка сохранялась и в этнониме *турпеи* (под 1150 г.)[30], также этимологически связанном с *тӱрк*[31].

Возникновение уже в первом русском упоминании *торъки*[32] факультативного беглого гласного (он обозначен посредством ъ) внутри сонорно-консонантной группы *рк*, возможно, отражало собственно тюркские разнодиалектные про-

[24] «Известия имп. Русского геогр. об-ва», 1850, стр. 75. Ср. также форму *озбеки* «узбеки» в «Указателе племенных названий» (сб. «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935, стр. 298).

[25] P. Pelliot, Notes on Marko Polo, II, Paris, 1963, стр. 864.

[26] Ср. у М. Фасмера: «nur aruss. *tъrci*, Acc. *tъrky* (Nestor-Chron. a. 1096)», Russisches etymologisches Wörterbuch, 20. Lfg., стр. 124.

[27] Иоанн де Плано Карпини, История Монгалов, СПб., 1911, стр. 35.

[28] J. Németh, Der Volksname *türk*, стр. 276.

[29] См.: В. В. Каллаш, Две заметки по древнерусской литературе,— «Древности восточные», М., 1913, т. IV, стр. 1.

[30] «Полное собрание русских летописей», т. I. Лаврентьевская летопись, вып. 1. Повесть временных лет, Л., 1926, стлб. 326.

[31] Ср.: Ч. П. Иванов, Очерк истории каракалпаков, стр. 13.

[32] Ср. позднюю производную форму *Турькестан* (Д. Рукавкин, Описание пути от Оренбурга к Бухарам...,— «Московский любительный месяцеслов на 1776 г.», стр. 207).

изношения социоэтнонима *тӱрк*. Такое произношение со вставкой сингармонического *ӱ* внутри группы *рк* — *тӱрӱк* — зафиксировано, например, в «универсалах» Петра I, переведенных на «беспорядочную смесь татарского с чагатайским и османским», «в крымском переводе грамоты Михаила Федоровича к какому-то Нур-Эд-дину» и в рукописях Абулгази[33]; ср. также *тӱрӱкпэн* «туркмен» у В. В. Радлова[34], татарск. *төрек* и *төрекмән*. Именно эта форма с полной или частичной депалатализацией еще не раз появлялась в русском словоупотреблении и в гораздо более поздние времена — в конце XVIII в. И. Георги называет *туруков* в одном ряду с «турками» и «туркоманами»[35], а в начале нашего века *тюруки* использовались для обозначения этнографической группы «тюрк» в составе узбекского народа[36].

Конечный согласный оригинала на этом первом этапе освоения слова *тӱрк* русским языком сохранялся в некоторых из вариантных форм множественного числа — *торъки* (Лавр. лет. 1377 г., л. 27), *торки, торкы* (Радзив. лет. XV в., 47^2, 94), *торкы* (Ипат. лет., ок. 1425 г., л. 106). В единственном числе только в одном случае замечено сохранение конечного согласного, правда в озвонченном виде: «поваръ же стюглеба именемь *торгъчинъ*» (Юр. прол. XIV, л. 8б-в); для иллюстрации озвончения конечной согласной можно сослаться на вариант *targ*, приведенный Ю. Неметом, а также на более поздние производные формы *Тургустан, Тургистан* в русском (1696—1697)[37]. Обычно же форма единственного числа этого слова, образуемая тогда посредством аффикса *-чинъ*, показывала утрату конечного согласного оригинала; ср. «поваръ же Глебовъ именемь *Торчинъ*» (Лавр. лет. 1377 г., л. 46 об.— л. 47; Прилуцк. прол. XIV—XV, л. 203а-б), *торчина* (Лавр. лет. 1377 г., лл. 88, 92). Производство от *торчинъ* множественного числа дало форму *торчи*[38] (под 1151 г. в Ипат. лет., ок. 1425 г., л. 155); вероятно, последняя связана фонетическими чередованиями с другим вариантом множественного числа —

---

[33] Ф. Е. Корш, Универсалы Петра Великого к буджацким и крымским татарам,— «Древности восточные», М., 1893, т. I, вып. III, стр. 474.

[34] В. В. Радлов, Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии, Иркутск, 1929, стр. 19.

[35] «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», ч. 2, СПб., 1799, стр. 1, ср. стр. 6.

[36] «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. XXXIV, СПб., 1902, стр. 344.

[37] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, стр. 263; «Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией», т. X, СПб., 1867, стр. 382.

[38] Ср. аналогичную форму другого этнонима — *берендичи* (Ипат. лет., около 1425 г., л. 196).

торци[39] (Лавр. лет. 1377 г., лл. 97, 111, ср. там же, л. 111— Чернии *Клобуци*).

Производство прилагательных на этом первом этапе освоения заимствования *тӱрк* давало чрезвычайное множество вариантных форм. Наряду с прилагательными, имеющими *-ч* в основе — *торческыи* (Лавр. лет. 1377, лл. 81 об., 82), *торческому* (Ипат. лет., ок. 1425 г., л. 184 об.), были распространены варианты с *-ц* в основе: *торцьскыи* (Лавр. лет. 1377 г., л. 73 об.; Ипат. лет., ок. 1425 г., лл. 190—190 об.), *торцьскому, торциискый* (Лавр. лет. 1377 г., лл. 75, 72 об.), с одной стороны, и преимущественно в Ипат. лет.— *торцькыи* (лл. 230, 231 об., 232—232 об.) — с другой. Своим явным тяготением к позднее нормализовавшейся форме любопытны варианты с беглым гласным после сонорного *-р: торьчского* (Ипат. лет., ок. 1425 г., л. 261 об.), *торъцьскому* (Лавр. лет. 1377 г., лл. 145—145 об.) и, наконец, наиболее близкая к современному словообразованию — *торьцкому* (Ипат. лет., ок. 1425 г., лл. 254 об.—255). Вместе с тем довольно широко использовались и варианты прилагательных, где корень, утратив конечный согласный *-к,* не приобрел наращений *-ч* или *-ц,* например: *торьскии, торськыи, торьскомъ* (Ипат. лет., ок. 1425 г., лл. 234 об., 186, 232). Именно в вариантах последнего типа начиная с XII в. наблюдается узколабиализованная огласовка *турьскааго* (Ефрем. кормч. XII в., л. 270а), *турьскаго* (Прол. 1383 г., л. 80г), *турьскыи* (Пандект Никона Черн., XIV в., л. 145б—145 об. а) [40].

2.3. С точки зрения семантической уже в этот период изучаемое заимствование, обозначавшее вполне конкретную тюркоязычную народность, стало обнаруживать стремление к использованию его в качестве обобщающего термина и для других тюркоязычных племен, родственных не только по языку, но и по всему укладу жизни, например: «Торчинъ имене[м] Берендн» (Лавр. лет. 1377 г., л. 88), «бежаша Торци Берендичи из Рускые земли» (там же, л. 97), «Торци вси Чернии Клобуци» (там же, л. 111) [41]. Несколько позже, в середине

[39] П. Голубовский (см. его «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар», стр. 57, прим.) считал «Торци имен. пад., а торкы — винит.», опираясь на малоубедительную этимологическую гипотезу [р. *Тор* (?) — *торци,* как впоследствии р. *Дон — донцы*]. См. также: M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, 20. Lfg., стр. 124.

[40] Любопытно, что из всего многообразия приведенных вариантов прилагательных наш современник Г. А. Федоров-Давыдов, имея в виду древних торков, избрал в качестве относительного прилагательного форму *торческий* (Кочевники Восточной Европы, стр. 141).

[41] Наверное, имея в виду это обобщающее значение, которое рассматриваемый социоэтноним приобрел в древнерусском языке, автор «Продолжения известий о знатнейших народах, живших на северной стороне Дуная,

XVII в., эта тенденция выявится уже и совсем отчетливо: «Тут кочуют *туркмены,* язык *турской,* и то есть старые *турки*» [42].

Таким образом, уже первый этап освоения этого заимствования русским языком характеризовался значительными колебаниями, прежде всего в фонетической передаче оригинала, а наряду с этим — и в его морфологическом освоении. С семантической точки зрения наблюдались первые попытки наряду с вполне конкретным обозначением конкретной тюркоязычной народности распространить это слово и на другие родственные племена. Целый ряд фонетико-морфологических и отчасти семантических (имеется в виду только обобщающее значение этнонима) особенностей и тенденций слова *торкы (торци),* которое перестало существовать во время татаро-монгольского нашествия, лишившись своего конкретного этнического содержания, тем не менее удержаться в языковом сознании, языковой памяти русского народа, несмотря на то что в свой последующий период жизни в русском языке это заимствование появится в иной фонетико-морфологической адаптации и будет иметь другое семантическое наполнение.

3. С татаро-монгольского нашествия, бесследно поглотившего многие кочевые племена южнорусских степей, в развитии обобщающего наименования для тюркоязычных народностей началась новая фаза, в которой скрестились пути и судьбы заимствования *тӱрк* в его этно-родовом значении, с одной стороны, и сильно потеснившего его в этот период иного заимствования — *татар* — с другой. С давних пор наименование *татар* употреблялось у китайских историков как обобщающее для обозначения не только монголов, но и тюрков, маньчжуров и тунгусов [43]; в то же время оно было специализировано в качестве имени отдельного монгольского племени [44], которое

Черного и Каспийского моря» («Месяцеслов на 1778 г.», стр. 42), утверждал: «Контуфдей, князь *Торческий,* один из знатнейших *между Черными Клобуками...*»

[42] Арсений Суханов, Проскинитарий (под ред. Н. И. Ивановского),— «Православный палестинский сборник», т. VII, вып. 3, СПб., 1889, стр. 95.

[43] Свидетельство историка первой половины XIII в. Мын-гуна см.: Н. Катанов, Этнографический обзор турецко-татарских племен,— «Уч. зап. Казанского ун-та», 1894, кн. 3, стр. 188. Ср. также: Иакинф [Бичурин], Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, СПб., 1851, стр. 259, 260. Средневековый армянский историк Стефанос Оробелян писал о «народе стрелков, которые назывались мугалами, а по-деревенскому татарами» [цит. по: В. Аветисян, Монгольское нашествие на Армению (XIII в.),— «Труды МИВ», сб. № 1, 1939, стр. 142, прим. 5].

[44] «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. XXXIV, СПб., 1902, стр. 347.

позднее стало главенствующим в завоевательных войнах Чингиз-хана. «По имени этого главного, первенствующего монгольского племени все монголы-завоеватели XIII в. могли без лингвистической ошибки называться „татарами“. Но в Руси XIII в. произошла путаница термина политического с этнографическим. Те подчиненные монголам кочевые полчища, массою которых была завоевана Русь в XIII в., состояли не столько из природных монголов (эти были лишь вождями и ядром войска), сколько из разных племен тюркских... говоривших языком не монгольским, а тюркским; и русские, не давая себе труда разбираться в факте разницы между языком монгольским и тюркским, перенесли на этих тюрков, своих завоевателей, имя их монгольских вождей, стали называть нахлынувших тюрков „татары“ и их тюркский... язык — „татарским“. А с другой стороны, так как у старых знакомцев Руси — печенегов и половцев (куманов), давно уже живших в южнорусской степи, язык тоже был тюркский и лишь диалектически отличался от речи тех новопришедших тюркских полчищ, которые вторглись с монголами, то нет ничего изумительного, что термин „татары“ свободно мог быть перенесен русскими и на половцев, и на печенегов. Смешать речь тюрков-половцев (куманов) и речь тюрков, вторгшихся с монголами, было очень легко даже для более или менее ученых языковедов того времени» [45].

Очень наглядно такое анахроническое употребление термина *татар* и в ученых трудах более позднего времени, например у И. Г. Георги: «В самой отдаленной древности, на юге России, жили многие племена славенские, сарматские и татарские (разрядка наша. — *Г. Б.*), под разными именами...» [46].

Самой русской историей, на которую татаро-монгольское нашествие оказало неизгладимое влияние, было продиктовано использование слова *татары* уже к XV в.[47] для именования не только тюркских, монгольских, но и многих других кочевых племен различной этнической принадлежности [48].

---

[45] «Примечание от Редакции» к статье: В. В. Каллаш, Две заметки по древнерусской литературе, стр. 2. См. также: П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900, стр. XVII.

[46] «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», ч. 4, СПб., 1799, стр. 197.

[47] См. об этом: В. В. Каллаш, Две заметки по древнерусской литературе, стр. 2.

[48] Для довольно длительного периода обычным было такое словоупотребление: «выходца ис калмыцких улусов юртовского татарина» (1646 г.— «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», I, стр. 318), «татары калмыкской и казакской орды», «вогульские татары», «татары из Китая» [Избрант Идес, Адам Бранд, Записки о рус-

Хотя самое слово *татар* «в Европу пришло от русских»[49], а западноевропейские летописцы и ученые издавна черпали свои сведения о татарах тоже именно от русских[50], весьма широкое и надолго задержавшееся на Руси использование слова *татар* в качестве обобщающего этнического имени, безусловно, поддерживалось встречной книжной тенденцией с Запада[51]. Именно западноевропейским книжным влиянием можно объяснить решительное преобладание слова *татар* в языке русской ученой книжности XVII—XVIII вв. и переводных сочинений. Дело в том, что «сочинительством» и переводами в этой области занимались, как правило, неспециалисты; что же касается тюркоязычных народов, о которых там

ском посольстве в Китай (1692—1695), М., 1967, стр. 79, 71, 134], «татаров Левантских» (И. П. Минаев, Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879, стр. 71), «гилянские татары» (о персах.— «Указатель племенных названий»,— в сб.: «Материалы по истории каракалпаков», стр. 296) и пр. См. также: В. А. Никонов, Введение в топонимику, М., 1965, стр. 117; М. И. Казанин, Примечания,— в кн.: Избрант Идес, Адам Бранд, Записки о русском посольстве в Китай, стр. 299. Этому использованию слова *татар* соответствовала и чрезвычайная неопределенность географического названия «Tartarie», «la Grande Tartarie», «la Grande Tartarie, ou Asiatique» (так она названа на карте Iodocus Honduis, 1595—1596 гг.), «Noorden Oost-Tartarie» (на карте N. Witsen, 1672 г.), позднее — «Tartarie indépendante». Ср. в составленной между 1655—1667 гг. «Книге, глаголемой космографией, сиречь описании сего света земель и государств великих» (СПб., 1878—1881): «Татария пустая многие орды имеет. То есть Завольскую, Азийскую, Нагайскую, Тюменскую, Хиевскую, Козихаевскую, Истинхавенскую, Биширскую, Молгомуэурскую и иные многие».

[49] H. Vámbéry, Das Türkenvolk, Leipzig, 1885, стр. 60.

[50] Так, в середине XIII в. «бр. Юлиан Венгерец в послании к епископу Перугийскому упоминает о священнике русском, передавшем ему сведения о татарах», а «другой, английский летописец бенедектинец Матфей, в своей Historia major сообщает довольно подробно исторические и этнографические рассказы о татарах русского епископа Петра» [И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.), СПб., 1882, стлб. 112—113].

[51] Надо отметить только сразу, что широкораспространенный на Западе вариант *tartar* (о некоторых фонетических основаниях для такого произношения писал Л. Ш[тернбер]г, см. в «Энциклопедическом словаре», изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. XXXIV, стр. 347) в России использовался по преимуществу в работах переводных или дилетантско-компиляторских, прежде всего потому, что русский народный узус знал только изустно заимствованное *татар*. Именно ориентируясь на живое произношение населения не только «Великой Татарии», но и России, Польши, Турции и других стран, Ф. И. Страленберг принял имя *Tatar* «без *r* в середине» (Ph. J. v. Strahlenberg, Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tataren in sich begreifet..., Stokholm, 1730, стр. 4, прим. 2). Точно так же русский переводчик сочинения И. Гербиллона «Описание и известие о Великой Татарии» («Санкт-Петербургский календарь на лето от р. х. 1744») указывал в примечании: «Сочинитель всегда пишет *Тартаре* и *Тартарей*, но подлинно произносится без литеры *р*, а именно *татаре* и *татарей*...».

писалось, то «они по большей части не виданы были испытателями никогда. Все знание о них основано на изустных преданиях», на «сказках» «разных неученых путешественников» [52].

Здесь достаточно привести упоминаемый О. И. Сенковским пример «перевода с четвертой руки, перешедшего через языки русский, немецкий и французский, и снова возвратившегося в русский язык» [53],— именно в результате такого сложного пути русский читатель познакомился с «Шеджере-и тӱрк» Абулгази: хотя оригинал этого произведения имелся в России [54], В. К. Тредиаковский, академик по кафедре красноречия, перевел его с брюссельского «третичного» перевода, опубликованного в 1746 г. под заглавием «Histoire généalogique des Tartares, traduite du manuscript Tartare d'Abulgasi-Bayadur-Chan». Естественно, что в этом переводе с французского слову *тӱрк* не было места — его вытеснили *татары,* и заглавие его гласило: «Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописныя татарския книги сочинения Абулгази-Баядур-Хана, и дополненная великим числом примечаний достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северныя Азии с потребными географическими ландкартами, а с французского на российский в Академии наук» [1768] [55].

Такое расширение сферы употребления слова *татар* в известной мере, безусловно, питалось и русской просторечной традицией, для которой все восточное, «бусурманское», не-

---

[52] «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», ч. 3, СПб., 1799, стр. 52.

[53] См. об этом: О. И. С[енковский], Абульгази-Мухаммед-Багадурхан,— «Энциклопедический лексикон», т. 1, СПб., 1835, стр. 50.

[54] В России же был выполнен немецкий перевод этого сочинения «непосредственно с татарского оригинала известным ориенталистом Кером очень близко к подлиннику...» (П. Пекарский, История Имп. Академии наук в Петербурге, т. I, СПб., 1870, стр. 617).

[55] Приводится по кн.: П. Пекарский, История имп. Академии наук в Петербурге, т. II, СПб., 1873, стр. 45, прим. 1. Такой традиционный перевод заглавия сочинения Абулгази, как «Родословная история о татарах», надолго задержался у нас (см., например: М. Н. Галкин, Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1868, стр. 190), хотя уже О. И. Сенковский предлагал более близкий к истинному: «Книга древа турецкого» («Энциклопедический лексикон», 1, стр. 49). Ср.: «Древо тюркское», «История тюрков, соч. Абуль-Гази»,— И. Березин, Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга,— ЖМНП, 1850, ч. LXVIII, № 10, стр. 23. Н. Веселовский в своем «Очерке историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего» (СПб., 1877, стр. 139), упоминая об «Истории» Абулгази, подчеркнул необходимость такого исправления: «или правильнее: „Книга древа тюркского“ — Китаби-шеджереи-тюрки».

понятное было «татарским»[56]. Так, в русских былинах записей XVII—XVIII вв. *татарский* совершенно явно распространялся и на турецкий язык, хотя прилагательное *турский* издавна было широко известно, см. (о киевских богатырях): «И пошли прямо к Царьграду. Идучи, говорят таково слово: Кто у нас, братцы, говорить горазд языком *татарским*?»[57]. Эта традиция проникла и в деловой язык бумаг Посольского приказа: о переводных грамотах не только с любого из тюркских языков, но и с персидского языка там, как правило, говорится, что это — «список с переводу татарского вашего письма»[58]; ср., однако, и противоположный пример 1641 г. с вполне точной дифференциацией: «А листы, государь, писаны фарсовскими (т. е. персидскими.— *Г. Б.*) и турскими письмы...»[59].

В то же время русский язык деловых бумаг, и прежде всего «столбцов», «грамот», «дел» и «посольских книг» из фонда Посольского приказа[60], буквально изобиловал вполне дифференцированными наименованиями тюркоязычных народов, чаще всего отражавшими их самоназвания, как-то: «узбеки», «башкирцы», «трухменцы», «каракалпаки», «казаки», «киргисцы» и др. Под 1496 г. в «Польских делах» (I) упоминается «турского салтана посол»; позднее сведениями о «турском салтане», о «турском гонце», «послах турских», о «походах турских людей» пестрят дела Посольского приказа, причем, например, в «Грамоте от Григорья Василчикова» (1588 г.) отчетливо противопоставлены «турские люди» и «туркменские люди»[61]. Путешествия русских в Сибирь, Среднюю Азию и другие «полуденные» страны, непосредственные

[56] В просторечии эта традиция задержалась надолго: еще и в начале нашего столетия многие тюркоязычные народы «в публике» были известны под названием «татарских» (см. «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. XXXIV, стр. 159). Так, в Ставрополье «местное русское население употребляет слово *татар* не только по отношению к поволжским переселенцам, но и к туркменам и ногайцам...» (А. Н. Самойлович, Среди ставропольских туркменов и ногайцев и у крымских татар,— «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии». Серия II, СПб., 1913, № 2, стр. 64).

[57] «Русские былины старой и новой записи», под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, М., 1894, отд. 1, стр. 49.

[58] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, стр. 138, ср. также стр. 272; «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», под ред. Н. И. Веселовского, т. I, СПб., 1890, стр. 390.

[59] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, стр. 161.

[60] Публикацию многих из этих документов, в основном за XVII в., см.: «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I.

[61] «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», т. I, стр. 7, 8.

контакты с разными тюркоязычными народами, пробуждающийся интерес к «прилежному снисканию и исправному переводу древних азиатских гисторий» уже в середине XVIII в. позволили ставить под «сумнительство» сведения о «татарах» и «Великой Татарии», которые сообщали европейские писатели, «уверяясь токмо сказаниям, а иногда и по своим разным мнениям, не быв в тех сторонах и не зная орижена, где подлинно татарской народ начался, как и куда распространялся» [62].

На этом фоне вполне реалистически прозвучал в 1749 г. призыв В. Н. Татищева, автора «Истории Российской», вложившего много энергии в собирание лексики сибирских народов [63], всемерно использовать самоназвания народов Востока: «Имя чтоб положено было точно по изречению тому, какого оное языка, или как тот народ сам именуется, не пременяя кончание...» [64]. Подобные призывы не оставались втуне — в этом убеждает работа языковедов, произведенная в «Сравнительных словарях всех языков и наречий, собранных десницею всевысочайшей особы»,— в системе помет этого словаря значительное место занимают пометы, основанные на самоназваниях народов: «по-турецки», «по-турхменски, поякутски... по кази-кумыцки», ср. «по-киргизски», хотя здесь же представлено и обобщающее употребление слова *татарский* [65], но уже в более ограниченном родовом значении («по-татарски около Казани», «по-татарски ногайского поколения», «по-татарски башкирского племени») [66].

4. Возвращаясь несколько назад, надо отметить, что на фоне преобладающего использования слова *татары* в обобщающем значении в русский язык, навсегда утративший из живого употребления старый этноним *торки (торци)*, проникло новое заимствование, которое представляло все то же слово-оригинал, но уже в ином фонетическом и семантиче-

---

[62] П. И. Рычков, Краткое известие о татарах и о ны[не]шнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются. Собрано в Оренбурге из книг турецких и персидских и по сказкам бывалых в тех местах людей к рассмотрению при сочинении обстоятельного о сих народах описания (цит. по: П. Пекарский, Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 29, 30).

[63] См. об этом: Н. Попов, В. Н. Татищев и его время, М., 1861, стр. 582—585; П. Пекарский, История имп. Академии наук в Петербурге, I, стр. 631.

[64] В. Татищев, Напомнение на присланное описание народов, стр. 162.

[65] Ср. сохранившееся веком позднее подобное же словоупотребление: «джагатайские татары» (Д. Никольский, Замечания на Словарь русского языка, составленный II отделением Имп. АН,— «Филол. записки», Воронеж, 1893, вып. V—VI, стр. 37).

[66] «Сравнительные словари всех языков и наречий». Отделение 1, ч. 2, СПб., 1789, стр. 2; ч. 3, 1791, стр. 114, 153, 158.

ском «чтении»: оно явилось теперь как обозначение турков, новых могущественных южных соседей русского народа. Языковая память русского народа как бы увязывала это новое заимствование со старым, уже утраченным: именно забытый этноним, лишившись своего живого, конкретного наполнения, предоставил в распоряжение нового этнонима свои прежние словообразовательные и словоизменительные модели, принимая которые в одних случаях или отталкиваясь в других случаях, новое заимствование продолжило лексическую эволюцию.

4.1. Новое заимствование с фонетической стороны заметнее всего отличалось от прежнего узкой губной огласовкой корня — тем самым оно фонетически, несомненно, приблизилось к наиболее распространенному произношению слова-оригинала (хотя по-прежнему не сохраняло сингармонической палатализованности последнего). В результате по старой модели *торчин* появилось *турчин* («Поклоненье св. града Иерусалима 1531 г.»[67]), *турчин* («а старой патриархов двор от западу, ныне турчин владеет», по списку XVII в.[68]). Именно эта форма — *турчин* — сохранилась в южнославянских языках: украинском (ср. укр. ж. р. *турчинка*), болгарском, сербском[69]. В русском языке она задержалась по XVII в. включительно, однако параллельно с нею уже начиная с конца XV в. зафиксирована форма с более развитой русской суффиксацией, варьирующейся как *-чянин, -ченин, -чанин*[70] — *турчянин* («Ахмат турчянин», 1498 г.[71]), *турченин* («Окаянной и безбожной турченин»[72], «да тот же де язык турченин гово-

[67] М. А. Голубцов, К вопросу об источниках древнерусских хождений во св. Землю,— «Чтения ОИДР», 1911, кн. 2, стр. 52.

[68] «Повесть и сказание о похождении во Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного диакона Ионы по реклому Маленького 1649—1652» (под ред. С. О. Долгова),— «Православный палестинский сборник», СПб., 1895, т. XIV, вып. 3, стр. 7. Ср. форму *гречин* в «Повести о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 г.) Нестора-Искандера XV в.» (сообщ. архимандрит Леонид), СПб., 1886, стр. 19.

[69] А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, вып. последний, М.—Л., 1949, стр. 21.

[70] Суффиксация по типу *полочанин* («Повесть об Арефе Полочанине»,— см.: И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка, стлб. 97), *гречанин* (В. Могутов, Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в Великую Татарию экспедиции..., ч. 1—2, СПб., 1777, стр. 16), *юргенчанин* от *Юргень* («Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, стр. 332) и даже *янычанин* от турецк. *yeni çeri* («Повесть о Царьграде Нестора-Искандера XV в.», стр. 19, 36).

[71] «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским», т. I, М.—СПб., 1882, стр. 258.

[72] «Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары 1634—1637 гг.» (под ред. С. О. Долгова),— «Православный палестинский сборник», СПб., 1891, т. XI, вып. 3, стр. 57.

рил...»[73] — XVII в.), *турчанин*[74] («И оттоле продали ево, Иванка, татара турчанину торговому человеку, и тот де турчанин привез его в Царь-град...» — 1682 г.[75]). Лексикографические фиксации живого употребления слова *ту́рчанинъ* — в Лексиконе Поликарпова 1704 г. и в Вейсмановом Лексиконе 1731 г. Множественное число отмечено в закономерно производимой форме: *турчане* (XVI в.)[76], *турчаня* (1680 г.)[77], *турчаны* (1692 г.)[78] и *турчяне* (Зем. X.10), также *туръченя, турченя* (Аз. п. 154, 65, 66); род. пад. мн. ч. — *турчанъ* («пять человек турчанъ», 1649—1653 гг.)[79].

Вместе с тем постепенно прокладывает себе дорогу и совсем близкая к современной форма *туръкъ, турок,* закономерно дававшая множественное число *турки* (по типу *торки, торкы*). Так, уже в 1395 г.[80] (в третьей молдавской грамоте) читаем: «противъ турковъ, противъ татаръ...»; в приписке к Апокалипсису XIV в. (Рог. лет. 1, л. 1) — «*турку чело*м *бие*м...»; в «Проскинитарии» Арсения Суханова (1649—1653 гг., стр. 95) — «Тут кочуют туркмены, язык турской, и то есть старые *турки*»[81]. В «Повести о Царьграде Нестора-Искандера XV в.» наряду с формами множественного числа *туркы* («тогда властвующеи Туркы», «да возмут и туркы») и *туркове* («приступают *туркове*») использовалась и конкурировавшая форма *турци* («и разсекоша *турци* Рахкавея [т. е. грека Рангави] на части»)[82]. Эта форма, отразившая как влияние древнего варианта *торци,* так и вообще южнославянскую

[73] «Распросные речи иноземцов и русских, возвратившихся из плена... 1623—1624»,— «Русская историческая библиотека», т. II, СПб., 1875, стлб. 218.

[74] Форма *турчанин* сохранилась только в фамилии *Турчанинов* (с перемещением ударения).

[75] «Сказка казачьего сына Ив. Сид. Найденова о побеге из турецкого плена чрез Францию и Англию»,— «Чтения ОИДР», 1917, кн. 2, стр. 30—31.

[76] «Хождение Трифона Коробейникова. 1593—1594 гг.» (под ред. Х. М. Лопарева),— «Православный палестинский сборник», СПб., 1889, т. IX, вып. 3, стр. 80.

[77] «Книга Большому Чертежу», рук. Уварова № 1873, сп. 1680 г.

[78] «Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом», т. I, М., 1872, стр. 312.

[79] Арсений Суханов, Проскинитарий (под ред. Н. И. Ивановского),— «Православный палестинский сборник», СПб., 1889, т. VII, вып. 3, стр. 7.

[80] М. Фасмер датирует появление этого слова в русском языке почти веком позже — 1485 г.: «älter russ. *turokъ* (Drakula 652 ff., Pskover 2. Chr. a 1485)» (M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, 21. Lfg., стр. 155).

[81] Здесь и ниже в приводимых цитатах и заглавиях книг автор по своему усмотрению выделяет курсивом словоформы, подлежащие изучению.

[82] «Повесть о Царьграде», стр. 6, 11, 20.

(сербскохорватскую и болгарскую) модель *turci*[83], наблюдалась еще и в 1686 г.: «И пред дверию святые клътицы стоят *турцы* властители...»[84]. В XVIII в. форма *турок* стремительно вытесняла варианты суффигированного единственного числа. Если в 1704 г. Поликарпов в своем Лексиконе зафиксировал только *ту́рчанинъ*, то Вейсманов Лексикон 1731 г. (стр. 650) давал обе параллельно употреблявшиеся формы единственного числа — *турок, турчанин;* спустя всего лишь 50 лет Нордстет (Словарь 1782 г.) приводил только одну — *турок*[85].

Из набора моделей, по которым образовывались прилагательные от *торчин — торки, торци,* впоследствии самое широкое распространение получила именно модель *ту́рской* с вариантами *турѣскиі*[86] и *турьскую*[87] (оба — по фиксациям XVII в.). Эту форму А. Преображенский считает древнеславянской; она до настоящего времени распространена в болгарском[88], сербскохорватском[89] языках. Одновременно с формой *турѣский* в русском языке возникли и постепенно входили в употребление иные варианты производных прилагательных от того же этнонима, явно обнаруживающие связь с такими старыми формами, как *торьчского, торъцьскому, торьцкомоу*[90]. Таковы формы: *турцкимъ* («под турцкимъ горо-

[83] См.: J. Matl, Zur Bezeichnung und Wertung fremden Völker bei den Slaven,— «Festschrift für M. Vasmer zum 70. Geburtstag», Berlin, 1956, стр. 303.

[84] «Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима. На греческом языке написал критянин иеромонах Арсений Каллуда и напечатал в Венеции в 1679 г. С греческого на славянский диалект перевел чудовский монах Евфимий в 1686 г.» (сообщ. архимандрит Леонид), СПб., 1883, стр. 30.

[85] См.: «Словарь современного русского литературного языка», т. 15, М.—Л., 1963, стлб. 1154.

[86] В. Перетц, Рассказ о потурчившемся и раскаявшемся иерее,— «Библиографическая летопись», III, 1917, стр. 162.

[87] М. П[етровск]ий, Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в.,— ИОРЯС, 1907, т. XII, кн. 1, стр. 118.

[88] Ср. в кн.: Г. Д. Гълъбов, Граматика на турския език, София, 1957, стр. 7: *«турският език»,* но *«тюркското езиково семейство»* (более позднее заимствование сильно отличается своим фонетическим обликом). Примечательно, однако, что наиболее частая ошибка в слове *тюркский* у русских типографских наборщиков состоит как раз в пропуске корневого *к* — в соответствии с древней фонетической формой прилагательного *турский.*

[89] Ср.: «Prilozi za orijentalnu filologiju i istoriju jugoslovenskih naroda pod *turskom* vladavinom», 3—4, Sarajevo, 1952—1953. Параллельное использование форм *«турецький, турський* „турецкий"» см.: Ф. Пискунов, Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империи, изд. 2, Киев, 1882, стр. 261.

[90] М. Фасмер выводит форму *турецкий* «из польского *turecki* от *turek* „Türke"» (M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, 20. Lfg., стр. 156), а название страны Турция — из новолатинск. *Turcia* через посредничество польск. *Turcja* (M. Vasmer, Bezeichnung fremder Länder im

домъ Кази Керменом») [91], *туретцкого* («врага туретцкого», 1519 г.) [92], *туретскіи* («посол туретскіи» — «Действие о князе Петре Златых Ключах», начало XVIII в.) [93], наконец, вполне современная форма *турецкого* («Книги ямские загонные с Турецкого яму», II, 1679, л. 336). Уже в самом начале XVII в. наряду со старым вариантом *турской* параллельно употреблялся новый вариант *турецкий*. Так, в «Переводе с шаг Абпасовы грамоты, что писал к вору, который назывался Царевичем Дмитреем», рядом с выражениями «у *турского* царя», «у *турских* людей» читаем: «над *турецкими* людьми», а «*Турскую* землю» стоит в одном предложении с «*Турецкую* землю» («...а мы б тако ж з своей страны ходили на Турскую землю, чтоб нам заодин Турецкую землю взять») [94]; в «Переводе с шах Аббасовы грамоты, что писал к Рудельфу цесарю», рядом употреблены «от *турскова* государя» и «с *тюрецким* государем» [95].

Такое параллельное использование старого и нового вариантов отмечалось еще в XVIII в., например, в манифесте Петра I от 22 февраля 1711 г. было написано: «с конвоем или провожателствомъ турски», а в его же первой грамоте к султану Ахмеду — «с конвоемъ *турецкимъ*» [96]. Старая форма *турский*, некогда так широко распространенная, сравнительно долго удерживала свои позиции в живом русском языке: например, еще в 1762 г. П. И. Рычков писал «из *Турского*

Russischen,— «Festschrift für D. Čyževśkyj», Berlin, 1954, стр. 299). Возможно, что своеобразной «подпочвой» для этих *ц*-форм, которая помогла их усвоению, были русские формы множественного числа *торци, турци*. Ср. также прилагательные «киргиз-кайсацкия, каракалпацкая» (П. Рычков, Топография Оренбургская, 1—2, СПб., 1762, предисл. ко 2-й части), «кумыцкие» («Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», II, стр. 380, 381), «Ташкентцкую» («Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», I, Л., 1932, стр. 179), «кюэрицкий» (Е. Д. Поливанов, Материалы по грамматике узбекского языка, Ташкент, 1935, стр. 3) и др.

[91] «Воронежские акты. 1599—1705 гг.»,— в кн.: «Материалы для истории Воронежской и соседних губерний», т. I, Воронеж, 1887.

[92] «Памятники дипломатических сношений Московского государства с немецким орденом в Пруссии. 1516—1520 гг.», под ред. Г. Ф. Карпова, СПб., 1887 («Сборник Русского исторического общества», т. 53); ср. ту же форму: «Росписи узорочным товарам, винам и другим предметам, купленным... на государев обиход» («Русская историческая библиотека», т. II, СПб., 1875, стлб. 559 и сл.).

[93] Г. П. Георгиевский, Две драмы Петровского времени,— ИОРЯС, 1905, т. X, кн. 1, стр. 254.

[94] «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», II, стр. 253.

[95] Там же, стр. 255.

[96] Ф. Е. Корш, Универсалы Петра Великого к буджацким и крымским татарам, стр. 473, прим. 10.

роду»[97], хотя и Вейсманов Лексикон 1731 г., и Лексикон 1762 г., и Церк. словарь Алексеева 1773 г., и Словарь Нордстета 1782 г. согласно дают новый вариант *турецкий* (в Лексиконе 1762 г.— с вариантом *туретский*)[98]. С пометой *стар.* вариант *турский* в словосочетании *турский кафтан* приводится в Словаре 1869 г. и у Даля[99].

4.2. Воздействие экстралингвистических факторов — превращение «татар» из многовекового грозного соседа России в ее подданных и одновременное возрастание могущества Оттоманской империи, приобретение турками значительного политического веса в международной европейской жизни[100], с одной стороны, и углубляющееся познание сопредельных тюркоязычных народов, осознание языковой близости турок и татар, связанное со стремлением ограничить понятие «татары» именно тюркоязычными народами[101], и на этой основе попытки идентифицировать турок и татар как народы, принадлежащие к одной языковой семье,— с другой, в конечном итоге сказываются в языковой практике на словоупотреблении: слова *турки* и *татары* все чаще начинают использоваться в тесном соположении, то взаимодополняя друг друга, то отождествляясь друг с другом. Одним из первых, кто стал сополагать слова *турецкий* и *татарский* в таких их соотношениях, был Ф. И. Страленберг, первый и невольный исследователь народов Сибири и их языков; подчеркнем, что этот шведский офицер, плененный в битве под Полтавой, испытывал сильнейшее влияние русского словоупотребления[102].

---

[97] П. Рычков, Топография Оренбургская, ч. 1, СПб., 1762, стр. 14.

[98] См.: «Словарь современного русского литературного языка», т. 15, стлб. 1150.

[99] «Словарь церковнославянского и русского языка», составленный II отд. Имп. Академии наук, т. III—IV, 2-е изд., СПб., 1869, стлб. 641; В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, СПб.— М., 1882, стр. 443.

[100] О «сопредельности России с Турциею и частых всех родов сношениях этих двух держав», которые «делают изучение турецкого языка в России не только полезным, но даже необходимым», убедительно писал И. Н. Березин (см.: ЖМНП, 1846, ч. LII, № 11, стр. 204).

[101] В этнографических сочинениях XVIII в. все чаще раздаются призывы не смешивать татар с монгольскими и маньчжурскими народами (см. примечание русского переводчика сочинения И. Гербиллона «Описание и известие о Великой Монголии» в «Санкт-Петербургском календаре на лето от р. х. 1744», [стр. не указ.]), а вопрос об именовании «других не решенного еще происхождения северных сибирских» народов оставляется открытым («Описание всех обитающих в Российском государстве народов», ч. 2, стр. 1; ч. 3, стр. 21).

[102] Об этом нагляднее всего могут свидетельствовать используемые им формы этнонимов, которые образуются путем наращения соответствующих немецких суффиксов к основам с русской суффиксацией, например: «*Arintzische Tatarn*» (вместо ожидаемой формы *arinische*); «*Kammassin-*

В сочинении Страленберга почти терминированное обобщающее «die Turckische Sprache» переплетается с сочетаниями отождествляющего или взаимодополняющего характера — «in der *Alt-Turckisch- oder Tatarischen* Sprache», «in der *Tatarisch- und Turckischen* Sprachen», «Turcken und Tatarn», «allen Turckisch- und Tatarischen Nationen»[103], в которых компоненты еще располагаются в свободном порядке. Подобное свободное соположение слов *турки* и *татары* можно наблюдать и в русском книжном языке конца XVIII в. Например: «*Турки или татары.* Народы, известные под сим именем, принимаются вообще за разные, однако они одного происхождения, и племя, известное у иностранцев под именем татар... обыкновенно само себя лучше называет турками...»[104]; считалось также, что, например, «трухменцы» говорят «*татарским* языком *по турецкому* наречию»[105]. В последующие годы и *турецкий,* и *татарский* использовались одновременно каждый и в конкретно-видовом[106], и в обобщающем значении, причем в последнем случае постепенно намечалась известная специа-

cische Tatern» (вместо ожидаемой *kamassinische); «Barabintzer»* (русск. *барабинц*[*ы*]+немецк. *-er*),—Ph. J. v. Strahlenberg, Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia, стр. 86, 384, 396. Аналогичное явление можно наблюдать и у Ф. Аделунга: «22. *Küsülskisch* Tatarisch; ...24. *Sagaiskisch* Tatarisch» (F. Adelung, Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde, St.-Pbg., 1815, стр. 103).

[103] Ph. J. v. Strahlenberg, Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, стр. 59, 60, 65, 68.

[104] «Начертание знатнейших народов света по их происхождению, распространению и языкам», М., 1798, стр. 33. Еще раньше, в письме к П. И. Рычкову от 1 декабря 1749 г., В. Татищев вскрывал причины чрезвычайного расширения этнической семантики слова *татар* и указывал, что народы, именуемые этим этнонимом, сами себя так не называли: «...европейцы, оскорбяся от татар нашедших, все неизвестные народы, власно как у грек варвары, от египтян скифы именованы, в которых разные народы, яко: славяне, германяне, сарматы и чуть именованы. Да имя татар вошедшие в Европу сами не употребляли, но писались могулы, как Батыевы и внуков его грамоты свидетельствуют» (цит. по: П. Пекарский, Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 17). В начале XIX в. Д. Языков, признавая, что «татары одного рода с турками», считал «неосновательным» также географическое имя Татария, и более того: «Можно назвать грубою ошибкою, когда несколько столетий Среднюю восточную Азию между Сибири, Персии, Тибета и Китая называли великою Татариею, а еще грубее, когда сию мнимую великую Татарию разделяли на свободную, Русскую и Китайскую» (Примечания Д. Языкова к кн.: «Собрание путешествий к татарам», СПб., 1825, стр. 279, 280).

[105] «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», ч. 2, стр. 49.

[106] Вполне конкретное, видовое использование слов *турецкий, татарский* см., например, в кн.: И. Гиганов, Грамматика татарского языка, СПб., 1801, стр. 8, 12, 176.

лизация: под «турецкими» все чаще разумелись южные и юго-западные тюркские языки и народы, под «татарскими» — северо-восточные тюркские языки и народы. Одновременно с этим слово *турецкий* продолжало применяться для обозначения родового этнического понятия, независимо от географического распределения «турецких» народов, см., например, у Н. Муравьева («туркмены говорят *турецким* языком...», «язык, коим говорят хивинцы, есть *турецкой* наречия, называемого Джагатай»[107]), О. И. Сенковского («восточное наречие *турецкого* языка», «*турецкое* наречие узбеков»[108]), П. С. Савельева («восточнотурецкие наречия», «поколения турецкие»[109]). В качестве обоснования для столь широкого применения слова *турецкий* О. И. Сенковский ссылался на обобщающую семантику слова-оригинала («все языки этого корня — татарский, джагатайский, тюркменский, оттоманский и проч.— равномерно называются *туркй,* или *тюркй,* у народов, которыми они употребляются»)[110].

Преодолению этой многозначности слов *турецкий, татарский* мало помогали громоздкие уточнительные выражения вроде «собственно турецкий язык»[111], «собственно татарские сочинения», «чисто-турецкие слова», «чисто по-татарски»[112], равно как и проникшая еще в XVIII в. в русский язык инновация *оттоманский, османский* в применении к туркам, основному населению Оттоманской империи. Назрела потребность в отдельном обозначении обобщающего понятия, и поисками такого обозначения пронизана постепенно специализировавшаяся русская научная литература первой половины

---

[107] Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, ч. 1—2, М., 1822, стр. 34, 137.

[108] «Энциклопедический лексикон», СПб., т. 16, 1839, стр. 232; т. 1, 1835, стр. 49. В то же время О. И. Сенковский резко выступил против попытки Хаммера возродить свойственное арабам и византийцам использование имени *Turk* для обозначения не только тюркоязычных народов, но и монголов, «татар», венгров, славян и прочих «восточных» народов, малоизвестных западноевропейской науке (см. его: «Lettre de Tutundju-oglou-Moustafa-Aga, véritable philosophe Turk, à M. Th. Bulgarin, rédacteur de l'Abeille du Nord», St.-Pbg., 1828, стр. 59).

[109] П. Савельев, Бухара в 1835 г., СПб., 1836, стр. 23; П. С. С[авельев], Кипчак,— «Военный энциклопедический лексикон», ч. 7, СПб., 1843, стр. 182.

[110] «Энциклопедический лексикон», т. 1, СПб., 1835, стр. 50. Спустя полвека то же самое обоснование повторит Ф. Е. Корш (см. его статью: «О турецком языке семиреченских надгробных надписей»,— «Древности восточные», М., 1889, т. I, вып. 1, стр. 67, прим. 1).

[111] А. Казем-Бек, Грамматика турецко-татарского языка, Казань, 1839, стр. V, VII.

[112] И. Березин, Описание турецко-татарских рукописей.,— ЖМНП, 1846, ч. L, [№ 4], стр. 45; 1847, ч. LIV, [№ 4—6], стр. 33; 1850, ч. LXVIII, № 10, стр. 31.

XIX в. Одно из решений этого вопроса — оно подготавливалось предшествующей языковой практикой — осуществилось благодаря экстралингвистическому воздействию: в 1828 г. в Казанском университете была учреждена кафедра турецко-татарского языка[113], позднее такая же кафедра была организована в Лазаревском институте восточных языков[114], а в 1854 г. в Петербургском университете был образован особый факультет восточных языков и в составе его «арабско-персидско-турецко-татарский разряд»[115]. Произведенная композита *турецко-татарский* была воспринята как основанная на принципе взаимного дополнения и как обобщающая по своему значению. Утверждению композиты в этом значении весьма способствовала написанная Мирзою А. Казем-Беком «Грамматика турецко-татарского языка» (Казань, 1839)[116], второе издание которой вышло уже под заглавием «Общая грамматика турецко-татарского языка» (Казань, 1846). Нужно заметить, однако, что сам Казем-Бек не считал композиту *турецко-татарский* терминологизированной настолько, что ее использование могло бы исключить все остальные обобщающие обозначения.

4.3. Руководствуясь «восточной» традицией, этот ученый, соединивший в себе восточную и европейскую образованность, на равных началах с искусственно произведенной композитой *турецко-татарский* ввел обобщающий термин *тюркский,* к которому сделал следующее примечание: «Этим словом, сообразно с его значением у восточных авторов (разрядка наша.— *Г. Б.*), я обозначаю все племена тюркского и татарского происхождения»[117]. В качестве

---

[113] См.: Н. И. Веселовский, Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, СПб., 1879, стр. 15. Возможно, что сочетание это появилось под влиянием немецкого языка: *türkisch-tatarisch* зафиксировано на протяжении XVIII в. и начала XIX в. в архивных материалах Г. Я. Кера и Ф. П. Аделунга (см. об этом: А. Н. Кононов, История изучения тюркских языков в России, Л., 1972, стр. 38, 40, 41, 77, 78).

[114] См.: «Сравнительная хрестоматия турецкого языка наречий османлы и Адербиджана...», составленная *профессором турецко-татарского языка* при Лазаревском ин-те восточных языков Л. М. Лазаревым, М., 1866.

[115] Н. И. Веселовский, Сведения..., стр. 21.

[116] Эта композита употреблялась и до Казем-Бека. Например, И. Ф. Штукенберг среди «главнейших языков» Азии вместе с арабским и персидским называл также «турецко-татарский» («Военный энциклопедический лексикон», ч. 1, СПб., 1837, стр. 192).

[117] А. Казем-Бек, Грамматика турецко-татарского языка, стр. I. В результате в обоих изданиях «Грамматики» Казем-Бека тесно переплелось использование обоих обобщающих терминов. См., например: А. Казем-Бек, Грамматика турецко-татарского языка, стр. II, 19: «тюркский», но стр. V: «турецко-татарского языка»; его же, Общая грамматика турецко-татарского языка, стр. VII: «турецко-татарского языка», но «всех известных наречий тюркских», стр. 124: «в тюркских наречиях». Наиболее раннее

варианта лингвистического самоназвания *туркú* несколько раньше О. И. Сенковский привел также *тюркú*. Форма эта с палатализованным начальным согласным *т*, как и ее производные или этимологические дериваты, знакома русскому языку с давних пор [118]. Не исключено, что стимулирующее воздействие при внедрении обобщающего термина *тюркский* в русский научный стиль оказывала немецкая традиция (ср. нем. *türkisch* «тюркский» и «турецкий»).

Проникновение обобщающего обозначения *тюркский* в русский книжный язык происходило на фоне давних поисков фонетически отличающегося варианта слов *турки, турецкий* для выражения родового понятия. Так, в конце XVIII в. «жительствующие под разными именами как в России, так и вне оной татарские поколения называются иногда татарами, а иногда, да и наибольше, туруками (разрядка здесь и ниже наша.— *Г. Б.*), турками и туркоманами» [119], а язык, которым они говорят, именовался «турукским или турецким языком, который называют они иногда и турко-станским» [120]. Из-за тяги к фонетическому отмежеванию от слова *турецкий* в книжном языке стали использоваться

использование термина *тюркский* Казем-Беком относится к 1836 г. (в его речи «О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии»). В более поздней работе А. Казем-Бека («Учебное пособие для временного курса турецкого языка», СПб., 1854, стеклография, ч. I, стр. III, прим.; ч. III, стр. 4) в обобщающем значении использован термин *тюркский*.

[118] См.: *«тюрецкие* люди», *«тюрецкий* царь», «с *тюрецким* государем» в переводах с шах Аббасовых грамот (1660—1613 гг.) («Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», т. II, стр. 254, 255); этноним *тӱрк* в составе антропонима — гилянский посол *«Тюрк* Имирь», «с *Тюрък*емирем» (там же, т. I, стр. 156, 158, 159, 221, 218, 385, 387; т. II, стр. 127); *Тюркистан* в переводе «Ярлыка бухарского хана Надир-Мухаммеда царю Михаилу Федоровичу», 1643 г. («Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, стр. 179) и *Тюркустан* в «Книге, глаголемой Большой Чертеж» (см.: А. И. Макшеев, Географические сведения Книги Большого Чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае,— ЗРГО, по отд. этнографии, 1880, VI, стр. 30, 31); часто употреблявшиеся палатализованные варианты этнонима *туркмен — тюркмен, тюркменцы, тюрхменцы* и пр. (см., например: «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», т. I, стр. 295; «Посольство в Персию кн. Андрея Дмитриевича Звенигородского»,— «Труды Восточн. отделения РАО», 1892, т. 20, стр. 282; «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, стр. 145, 294, 309, 310, 312, 319). Заметим при этом, что палатализованный вариант *тюркмен(ы), тюркменский* встречается в русском книжном словоупотреблении на протяжении всего XIX в. и даже в самом начале XX в.

[119] «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», ч. 2, стр. 1. Ср. вариант *тюруки:* «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. XXXIV, СПб., 1902, стр. 344.

[120] «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», ч. 2, стр. 6. Упоминание о «туркестанском» языке см.: П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900, стр. XX.

варианты прилагательного *туркский* (его ранние фиксации относятся к XVII в.[121]); они появлялись как в оригинальных сочинениях (например, в «Походе в Хиву в 1839 г.» Д. Голосова — «*туркских* князьков»[122]; в записке П. И. Лерха — «*туркских* народов»[123], в «Заметках» Н. А. Аристова — «*туркские* властители»[124]), так и особенно в переводных[125], где был отмечен даже и совсем искусственный и поэтому недолговечный вариант *туркийский*[126]. Предшествующее и параллельное употребление варианта *туркский* подготовило почву для укрепления в русском языке не совсем обычной для него формы прилагательного *тюркский* (ср. вариант *тюрецкий* в языке XVII в.). Таким образом, фонетически закрепленное размежевание слов *турок* и *тюрк* вполне последовательно выразилось и в морфологии словопроизводства: *турецкий — тюркский, турцизм — тюркизм*[127], а также *отуреченный* (здесь явна связь с довольно старым отыменным глаголом *потурчить*) и *тюркизованный/тюркизированный* (новизна последних производных проявляется в глагольной суффиксации *-изовать/-изировать*).

Введенный в научный оборот обобщающий термин *тюрк-*

[121] Посланный в Хиву астраханский сын Иван Федотов писал в 1669 г.: «А с Туркским-де Салтаном и Крымским Ханом у Юргенского хана ссылок никаких нет» (цит. по: Н. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, СПб., 1877, стр. 152). См. также: «Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678 гг.)», изд. Ю. Арсеньев,— «Вестник археологический и исторический», СПб., 1906, вып. 17, отд. 2, стр. 258.

[122] «Военный сборник», 1, СПб., 1863, стр. 12.

[123] «Известия Имп. Археол. об-ва», 1861, т. III, стр. 171, 172.

[124] Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей...,— ЖС, 1896, вып. III и IV, стр. 298. См. также: Л. М. Лазарев, Сравнительная хрестоматия турецкого языка наречий османлы и Адербиджана, М., 1866, стр. 14, 11. Последнюю по времени фиксацию слова *туркский* удалось разыскать в 1928 г. за пределами тюркологии (см.: Д. А. Золотарев, Карты расселения финно-угорских народностей СССР,— «Финно-угорский сборник», Л., 1928, стр. 331).

[125] См., например: О. Бётлингк, О языке якутов,— «Уч. зап. имп. АН» по 1-му и 3-му отделениям, 1853, I, 4, стр. 418; К. Риттер, Землеведение Азии, [ч. III], СПб., 1860, стр. 561, 505, прим. 1, 487, 550; Г. Вамбери, Путешествие по Средней Азии, СПб., 1865, стр. 161 и прим. 1.

[126] А. Борнс, Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849, стр. 347, 365. Любопытно, что «иноязычный и неудобопонятный термин „туркийский"», как его характеризует Л. Лигети, был еще раз введен в научный обиход более чем через столетие в обобщающе-классифицирующем значении (см.: Л. Лигети, О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана,— «Acta Orient. Hung.», Budapest, 1954, t. IV, fasc. 1—3, стр. 97).

[127] Ср., например: Ст. Стаховский, Турцизмы в словаре Я. Микала,— «Этимология. 1965», М., 1967 (ср. вариант «турчизм» в статье: А. Н. Бернштам, Происхождение турок. К постановке проблемы, стр. 43); С. Е. Малов, Тюркизмы в старорусском языке,— ИАН ОЛЯ, 1951, вып. 2.

ский почти сразу был оценен специалистами; во всяком случае уже в 1846 г. И. Н. Березин считал заглавие грамматики Казем-Бека «не совсем точным (правильнее следовало сказать: Грамматика тюркского языка)»[128]. Видимо, не без активизирующего воздействия фонетической аналогии, распространившейся со слова *тюрк (тюркский)* на его этимологические дериваты, именно в этот период в русскую ориенталистическую литературу довольно широко проникали такие палатализованные варианты, как *Тюркистан, тюркистанцы, Тюркестан*[129]; *тюркмены, тюркменцы, тюркменский, тюркманы*[130].

4.4. Несмотря на известное распространение обобщающего термина *тюркский* в книжном языке середины XIX в., причудливо переплетаясь с ним, продолжают использоваться для выражения родового понятия и *турецкий*, и *татарский*, и *турецко-татарский*. Живо представить это своеобразное терминологическое переплетение позволяет одна лишь фраза, которой И. Н. Березин начинает свою работу,— в ней сконцентрировано почти все это многообразие терминов и, кроме того,— легко вскрывается исторический подтекст такого словоупотребления: «Сношения, более или менее неприязненные, первобытной России с соседними *турецкими* племенами, продолжительное владычество татар над нашим Отечеством, долгое существование в соседстве России самостоятельных *татарских* государств, включение многих *татарских* племен в число русских подданных и сопредельность России со многими *турецко-татарскими* владениями делают татарский и ту-

---

[128] И. Березин, [рец. на:] А. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка,— ЖМНП, 1846, ч. II, № 11, стр. 105.

[129] См.: И. Березин, Описание турецко-татарских рукописей...,— ЖМНП, 1848, ч. IX, июль, стр. 19; Иакинф Бичурин, Замечания на статью о исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи,— ЗРГО, 1849, III, стр. 255, 260; его же, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, СПб., 1851, стр. 260; «О исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир»,— ЗРГО, 1849, III, стр. 34, прим. 31; Чокан Валиханов, Собрание сочинений, I, Алма-Ата, 1961, стр. 107.

[130] А. Казем-Бек, Учебное пособие для временного курса турецкого языка, ч. III, стр. 4 («с *тюркманами*»); см.: О. И. С[енковский], Абульгази-Мухаммед-Багадур-хан, стр. 49 (*«тюркменцы»)*; И. Березин, Описание турецко-татарских рукописей,— ЖМНП, 1850, ч. LXVIII, № 10, стр. 27 («у *тюркменов* текэ»); Л. М. Лазарев, Сравнительная хрестоматия турецкого языка наречий османлы и Адербиджана, стр. 5 («наречие *тюркменское*»); В. В. Радлов, Средняя Зерафшанская долина,— ЗРГО, 1880, VI (стр. 63, 67: *«тюркмены», «тюркмен», «тюркменское»*, но стр. 85: *«туркменский», «туркмены»)*; его же, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, СПб., 1893, стлб. 326 («название *тюркменского* рода»); Ф. Е. Корш, Происхождение формы настоящего времени в западно-турецких языках,— «Древности восточные», М., 1907, т. III, вып. 1, стр. 5 («в.... *тюркменском»)*.

рецкий языки весьма интересными для нашей империи»[131]. Параллельное использование обобщающих терминов *турецко-татарский* и *тюркский* надолго удерживается — оба термина употреблялись на равных правах такими авторитетными учеными, как В. В. Григорьев[132], Н. И. Ильминский[133], Н. И. Золотницкий[134], Н. И. Ашмарин (в его ранних работах)[135]. По-видимому, именно такое переплетение однозначных терминов, разнящихся заметным отклонением первого компонента композиты от плана все более укоренявшегося употребления *тюркский,* явилось почвой для возникновения «осовремененной», подновленной композиты *тюрко-татарский, тюрко-татары* — этот вариант появляется в конце XIX в. («тюрко-татарские племена»[136]). Конструктивно *тюрко-татарскому* предшествовал вариант *турко-татарский,* появившийся, видимо, как калька с немецкого *Turko-tatarisch*[137]. «Тюрко-татары» как синоним слова «тюрки» приводятся и в «Большой энциклопедии» С. Н. Южакова (т. 18, стр. 692), а в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (т. XXXIV, стр. 347) в тот же синонимический ряд введены еще и «турецко-татарские народы». С начала нашего века *турецко-татарский*[138] все же заметно начинает уступать *тюрко-татарскому*[139].

[131] И. Березин, Описание турецко-татарских рукописей...,— ЖМНП, 1846, ч. L, № 4, стр. 33; ср. также стр. 47 («северными татарскими наречиями»), но там же,— ЖМНП, 1847, ч. LIV, [№ 4—6], стр. 33; 1850, ч. LXVIII, № 10, стр. 31 («северные тюркские наречия»), стр. 29, 35 («тюркский»).

[132] См., например: В В. Г[ригорьев], Ногаи,— «Военный энциклопедический лексикон», ч. 9, СПб., 1845, стр. 558 («тюркскому или турецко-татарскому племени»).

[133] Н. Ильминский, Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка,— «Уч. зап. Казанск. ун-та», 1861, кн. III, стр. 3 («Язык тюркский или, как его называют, турецко-татарский...»).

[134] Н. И. Золотницкий, Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен, Казань, 1875, стр. 244 («турецко-татарскими наречиями»), но стр. 245 («в тюркских наречиях»).

[135] Н. И. Ашмарин, Материалы для исследования чувашского языка, ч. 1—2, Казань, 1898, стр. I («семье турецко-татарских племен»), но стр. II («из тюркского»), стр. 78, 83 («в... тюркских наречиях»).

[136] В. Н. Витевский, И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., вып. 1, Казань, 1889, стр. 118.

[137] См. в русском переводе П. Семенова кн.: К. Риттер, Землеведение Азии, [ч. III], СПб., 1860, стр. 550.

[138] Одна из последних по времени фиксаций композиты *турецко-татарский,*— ЖС, 1909, вып. II—III, стр. 1909.

[139] См.: В. Ф. Новицкий, Военно-географический очерк Афганского театра военных действий, СПб., 1910, стр. 24 («тюрко-татарские племена»). А. Н. Самойлович был избран в декабре 1917 г. экстраординарным профессором уже «тюрко-татарской словесности» (см.: Ф. Д. Ашнин, А. Н. Самойлович,— НАА, 1963, 2, стр. 245).

4.5. Композита *турецко-татарский* с ее более поздним вариантом *тюрко-татарский* послужила образцом, моделью, по которой образовывались композиты иного семантического наполнения — их назначением было уже не обобщение, не выражение родового понятия, но, напротив, конкретизация и уточнение. Композиты этого типа, скорее всего, принадлежат к индивидуальным построениям. Они характеризуются, во-первых, тем, что в качестве обобщающего компонента здесь употреблялись и *турецкий,* и *тюркский,* и *татарский,* а, во-вторых, за обобщающим и уточняющим компонентами в композите не закреплено определенное место, ср.: «турецко-джагатайский», «турко-джагатайский» у О. И. Сенковского[140], «джагатай-татарский» у И. Боде[141], «татарско-чагатайский словарь, если так можно выразиться», у С. Е. Малова[142], «джагатайско-тюркский» у И. Н. Березина[143], а также изданный В. В. Вельяминовым-Зерновым «Словарь джагатайско-турецкий» (СПб., 1868); «узбеко-тюркское» у Г. Вамбери[144], «турко-хазары» у А. Васильева[145], «турецко-якутский» у О. Бётлингка и «турко-якутский» у А. В. Попова[146]; «татарско-азербайджанский»[147] и более поздние: «азербайджанско-турецкий язык», «азербайджанско-тюркский»[148], «азербайджано-тюркский»[149]. По этому же образцу была образова-

[140] «Энциклопедический лексикон», СПб., т. 4, 1835, стр. 26; т. 1, 1835, стр. 49.

[141] И. Боде, О туркменских поколениях: ямудах и гокланах,— ЗРГО, 1847, II, стр. 231.

[142] С. Е. Малов, Тюркизмы в старорусском языке, стр. 201.

[143] И. Березин, Описание турецко-татарских рукописей...,— ЖМНП, ч. LXVIII, № 10, стр. 29.

[144] Г. Вамбери, Путешествие по Средней Азии, стр. 172.

[145] «Известия Академии истории материальной культуры», V, 1927, стр. 183 и сл.

[146] О. Бётлингк, О языке якутов, стр. 415 и сл. Е. И. Убрятова, исходя из немецкого варианта этой работы Бётлингка, употребила композиту *тюркско-якутский* (см.: Е. И. Убрятова, Очерк истории изучения якутского языка, Якутск, 1945, стр. 13). Ср. также: А. В. Попов, К вопросу о хорографии и палеэтнографии Иркутской области,— «Известия Восточно-Сибирского отделения РГО», т. XLIX. Сб. секций землеведения и экономической, вып. 2, Иркутск, 1926, стр. 136.

[147] Например: М. А. Визиров, Учебник татарско-азербейджанского наречия, СПб., 1861; Н. Нариманов, Краткая татарско-адербейджанская грамматика, Баку, 1895.

[148] А. Самойлович, Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка, Л., 1925, стр. 8, 9; его же, Разработка научной терминологии на языках тюркской системы (термины по астрономии на азербайджанско-тюркском языке),— «Революция и письменность», сб. № 2, М., 1936.

[149] Н. Яковлев, Тезисы к докладу «Современное положение и перспективы — проблемы языковых культур народов Северного Кавказа»,— «Бюллетень Орг. Комиссии по созыву I Всесоюзного тюркологического съезда», № 4, Баку, 1926, стр. 8, 9, 11.

на чисто книжная композита «турецко-османский»[150] или «османско-турецкий»[151] и даже «османли-турецкий»[152]. В качестве уточняющего компонента здесь был использован дериват от вторичного «этнонима» *Осман,* «законный... для султанского периода истории Турции»[153]; после свержения османской династии в этой композите появился географический уточнитель — «анатолийско-турецкий» (см. об этом ниже). Композиты с географическим уточнителем производились в нашем веке (см. «среднеазиатско-турецкий язык»[154]) даже вплоть до последнего времени («староанатолийско-тюркский язык»[155]).

Первоисточник композит уточняющего типа мог появиться в русском книжном языке под воздействием самоназваний ряда языков у многих тюркских народов. Модель в оригинале представляла собой, правда, определительное слово-

---

[150] И. Березин, Описание турецко-татарских рукописей...,— ЖМНП, ч. L, № 4, стр. 35; Н. И. Ашмарин, Материалы для исследования чувашского языка, Казань, 1898, стр. 82.

[151] Г. Вамбери, Путешествие по Средней Азии, стр. 199; А. Самойлович, Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка; Н. К. Дмитриев, Строй турецкого языка, Л., 1939, стр. 3.

[152] А. Борнс, Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849, стр. 352.

[153] Вл. Гордлевский, Грамматика турецкого языка, М., 1928, стр. III. О происхождении компонента *османский* и его вариантах см. также: П. А. Фалев, Введение в изучение тюркских литератур и наречий, Ташкент, 1922, стр. 28; А. Самойлович, Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка, стр. 7 и сл.; Х. Джевдет-заде, А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого языка, Л., 1934, стр. 4; Н. К. Дмитриев, Строй турецкого языка, стр. 3. В одном только нельзя согласиться с Н. К. Дмитриевым — в датировке проникновения слова *осман, османец* (с вариантами) в русский язык «концом XIX и началом XX в.» (там же, стр. 3). *Османский* было употребительно уже во второй половине XVIII в.; см. кн.: *«Османское* государство в Европе и Республика Рагузская». Из Бишинговой географии переведены на российский язык Вас. Световым, СПб., 1770. Более распространенным в тот период, правда, являлся иной по источнику заимствования и по фонетическому облику, но эквивалентный семантический вариант *От(т)оманский. «Оттоманстіи* монархи» упоминаются в «Феофана Прокоповича словах и речах» (ч. I—II, СПб., 1760—1761, стр. 26), датируемых периодом 1706—1728 гг. *«Оттоманская Порта»* фигурирует в «Письмах и бумагах имп. Петра Великого» (т. IV — Указатель, СПб.—М., 1900). Сошлемся также на кн.: «Полная картина *Оттоманския* империи в 2-х частях». Труд д'Оссона, переложен с франц. на российский, СПб., 1795.

[154] См.: А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка,— «Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения», Л., 1928.

[155] В. Г. Гузев, Фонетика староанатолийско-тюркского языка. Автореф. канд. дисс., Л., 1966, стр. 3 (эта композиция — калька с турецк. Eski Anadolu Türkçesi). О наименовании языков «по принципу регионально-государственных структур» см.: А. А. Зайончковский, К изучению средневековых памятников тюркской письменности,— ВЯ, 1967, 6, стр. 84 и сл.

сочетание, исключавшее произвольность порядка компонентов (на первом месте здесь всегда определение-уточнитель, на втором — определяемое с обобщающим значением), например: *кашгар-тюркиси, ӧзбек-тюркиси, тюркмэн-тюркиси* [156]. Аналогичные этнические самоназвания могли образовываться и от этнонима *татар,* которым обозначались родовые подразделения у многих тюркоязычных народов, в том числе и у туркмен [157], чем, видимо, и следует объяснять довольно раннее употребление слова *татар* в паре с *тау(р)менъ* в русском языке (XIII в.) [158]. Не удивительно, что подобные же определительные словосочетания проникали и в тюркологические сочинения на русском языке, главным образом в прошлом веке [159], давая причудливые обороты вроде «турецко-татарского адербиджанского наречия» [160] или «Турецко-татарско-русский словарь наречий: османского, крымского и кавказского» (Л. М. Лазарев) [161]. Позднее определение-уточнитель был распространен посредством имени *наречие:* «турецкий язык наречий османлы и Адербиджана» [162], «татарский язык адербеджанского наречия» [163], а затем из определения превращался в определяемое: «сартское наречие тюркского языка» [164].

---

[156] Эти наименования вслед за Г. Вамбери приводятся в кн.: А. Старчевский, Спутник русского человека в Средней Азии, СПб., 1878, стр. 1.

[157] См. об этом: Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. 1—2, стр. 85; И. Боде, О туркменских поколениях: ямудах и гокланах, стр. 217, 218. О роде *отуз татар* у древних тюрков см.: W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 1. Lfg., St.-Pbg., 1894, стр. 11; о роде *татар* у узбеков см.: Н. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, стр. 93; у «нижних кумандинцев» см.: В. В. Радлов, Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии, Иркутск, 1929, стр. 9.

[158] См. в «Сказании Киевского летописца о нашествии татар» (после 1227 г.): «Сихъ же злыхъ татар таурменъ не свѣдаемъ, откуду были пришли на насъ...» (И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка, стлб. 98). Ср. в Лаврентьевской летописи (1377 г., л. 158): «...и зовуть я татары, а инии глють таумены...» и в «Отписке возвращающегося из Казачьей орды русского посла Вельямина Степанова» (1595 г.): за Илейкой «пригнался тот тотарин, у кого он Илейка был, Бакы родом тюркмень...» («Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, стр. 294).

[159] Ср. «турецкий османский язык» в кн.: П. А. Фалев, Введение в изучение тюркских литератур..., стр. 27.

[160] Л. Будагов, Практическое руководство турецко-татарского адербиджанского наречия, М., 1857.

[161] М., 1864.

[162] Л. М. Лазарев, Сравнительная хрестоматия турецкого языка наречий османлы и Адербиджана..., М., 1866.

[163] М. Д. Мамедов, Самоучитель татарского языка адербеджанского наречия, Эривань, 1913.

[164] Н. Пантусов, Материалы к изучению сартского наречия тюркского языка,— «Уч. зап. имп. Казанск. ун-та», 1899, кн. 12.

4.6. Во второй половине XIX в. обозначение родового этнического понятия в тюркологических сочинениях продолжало оставаться неупорядоченным и произвольным. Все еще сохранялся *татарский* («Язык туркменов *татарский*...»[165]), мирно соседствовавший (на одной странице) с *турецким*[166] или *тюркским* в том же обобщающем значении, например, у К. Залемана: «Сочинители, довольно хорошо знакомые с о б щ е-т ю р к с к о ю (разрядка здесь и ниже наша.— *Г. Б.*) грамматикою, имели, кажется, в виду учить этому наречию людей, еще вовсе не знающих п о-т а т а р с к и...»[167] (другая работа того же автора называется «Список персидским, т у р е ц к о-т а т а р с к и м и арабским рукописям Библиотеки Имп. СПб. университета»[168]).

Особенно показателен полнейший терминологический разнобой в трудах Н. Ф. Катанова. В его «Этнографическом обзоре турецко-татарских племен», где сразу дается пояснение: «тюркский или турецко-татарский язык»[169], например, совершенно дифференцированно употребляются «турецкий (османский)» и «тюркский» (в обобщающем значении, причем встречаются и производные от последнего слова формы *тюрколог, тюркология*)[170]. Но тут же можно отметить и употребление *татар, татарский* в родовом значении[171], часто параллельные с аналогичным использованием *тюрк* в одном и том же тексте: «среднеазиатские татары» и «среднеазиатские тюрки»[172], в заглавии его работы: «Расска-

---

[165] «Этнографический очерк туркменов, преимущественно юмудского колена»,— ЗРГО, 1850, IV, стр. 112.

[166] Ср.: «туркмены и другие *татарские* народы», но «племена *турецкого* происхождения», «разные *турецкие* наречия», но «джагатай-*татарский* язык» (И. Б о д е, О туркменских поколениях: ямудах и гокланах, стр. 231).

[167] К. З[а л е м а н], [рец. на:] «Самоучитель сартовского языка»,— ЗВОРАО, 1887, т. I, стр. 37.

[168] ЗВОРАО, 1888, т. II, вып. 3—4.

[169] «Уч. зап. Казанск. ун-та», 1894, кн. 3, стр. 186. Точно такое же переплетение — *турецко-татарский* поясняется как *тюркский* — можно видеть и в кн.: Н. Ф. К а т а н о в, Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня, Казань, 1903. Употребление композиты *турецко-татарский* поддерживалось здесь в немалой степени экстралингвистическими причинами: «Экстраординарный профессор *турецко-татарского* языка Катанов Н. Ф. читал для начинающих: 1. *турецко-татарский язык*...» («Обозрение преподавания в имп. Казанском университете в 1894—95 гг.», Казань, 1894, стр. 13—14).

[170] Н. К а т а н о в, Этнографический обзор, стр. 187, 188, 201, 202.

[171] Там же, стр. 189, 192, 193, 194. Ср. также: Н. Ф. К а т а н о в, Среди тюркских племен,— «Известия РГО», СПб., 1893, т. XXIX, стр. 520, 525, прим. 1; 527, 531.

[172] Н. К а т а н о в, Этнографический обзор, стр. 192 и 191.

зы татар (тюрков) Восточного Туркестана о башмаках правосудия и о встрече царской бумаги»[173].

Тем не менее уже во второй половине XIX в. в интересующей нас области словоупотребления у ряда ученых можно наблюдать прежде всего постепенное изживание обобщающего слова *татар, татарский,* которое в 1902 г. было охарактеризовано П. М. Мелиоранским как «термин... неопределенный и ненаучный, основан на историческом недоразумении»[174]. Такое отношение русских ученых к термину *татарский,* естественно, подрывало научный вес и употребительность искусственных композит *турецко-татарский, тюрко-татарский*[175]. По нашим наблюдениям, в обобщающем значении, например, Чокан Валиханов использовал безразлично главным образом *тюркский* и *турецкий*[176], как и, например, Н. А. Аристов[177], В. Ф. Минорский[178] и др.; Иакинф Бичурин употреблял толь-

---

[173] Журн. «Деятель», Казань, 1896, № 4. Ср.: Н. Катанов, Приметы и поверья тюрков Китайского Туркестана, касающиеся явлений природы,— «Сборник статей учеников профессора В. Р. Розена», СПб., 1897. Ср. хронологически обратную терминологическую эволюцию в другом случае: Н. Ф. Катанов, Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрков (Енисейской губ.), СПб., 1885; его же, Бубен и колотушка шамана по описанию минусинских татар,— «Изв. Томск. ун-та», 1890, кн. 2.

[174] П. М. Мелиоранский, Турецкие наречия,— «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. XXXIV, стр. 159. А. Н. Самойлович характеризовал «имя „татары"... в старинном смысле, как искусственный термин для обозначения северо-турецких племен» (А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как тюрколог, СПб., 1914, стр. 26, прим. 2).

[175] Искусственный характер композиты *Turko-Tataren,* «употребляемой только лишь европейской наукой», подчеркивал еще Г. Вамбери (H. Vámbéry, Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen, Leipzig, 1885, стр. 60). Эволюция тюркологической терминологии примерно за 20 лет у самого Г. Вамбери заслуживает внимания. В его «Путешествии по Средней Азии» (русск. перевод — СПб., 1865; 2-е оригинальное немецкое издание — Leipzig, 1873) широко употреблялись *татарский (tatarisch), турко-татарский (türkisch-tatarisch).* В его книге «Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Forschungen» (Leipzig, 1879) композиты *turko-tatarisch, Turko-Tataren* полностью вытеснили *tatarisch;* а в работе «Das Türkenvolk...» (1885) *Türken* почти целиком заменило искусственное, по определению Г. Вамбери, образование *Turko-Tataren* (последнее лишь иногда выступает в качестве поясняющего приложения к *Türken: «Türken oder Turko-Tataren»,* стр. 60).

[176] Чокан Валиханов, Собрание сочинений, т. I, стр. 210, 452 и сл.

[177] Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, стр. 277 («среднеазиатский *турок»,* но *«тюрка*-османа»), стр. 361 («*отуреченные* самоеды»); см. также: Н. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов,— ЖС, 1894, вып. III—IV, стр. 480 и сл.

[178] См.: В. Ф. Минорский, Национальные стихотворения Эмин-бея в связи с новым направлением османской поэзии,— «Древности восточные», М., 1907, т. III, вып. 1, стр. 2.

ко *тюрк, тюркский*. Отказавшись от обобщающего термина *татарский*[179], почти полностью переключился на термин *тюркский* В. В. Радлов[180], а также С. В. Ястремский[181] и другие тюркологи.

4.7. Все более интенсивное проникновение слова *тюркский* в обобщающем значении в русскую книжную речь отражало важные жизненные процессы. С одной стороны, русская общественность чаще сталкивалась и шире знакомилась с жизнью, историей, культурой сопредельных тюркоязычных народов, из которых многие использовали термин *тӱркӣ* для обозначения своего языка[182]. В этом отношении важно заметить, что в русские официальные документы слово *тюркский* проникает именно в результате непосредственных языковых контактов, стремления дипломатов и военных как можно точнее отразить самоназвания второй договаривающейся стороны. В «Правительственном вестнике» № 300 от 18 декабря 1873 г. был опубликован, например, текст «Договора, заключенного между Туркестанским ген.-губ., ген.-адъют. фон-Кауфманом 1-м и Эмиром Бухарским Сеид-Музафером», при этом отмечалось, что «Договор этот написан в двух экземплярах, каждый на двух языках, на русском и *тюркском*»[183]. Подобные факты, заметим, кстати, можно рассматривать в качестве одного из аргументов, под-

---

[179] Термин этот задержался в виде своих производных: так, «жители собственно долины Зерафшана большею частию *тюрки* (узбеки)», а арабы, живя среди них, «давно *отатарились*» (В. В. Радлов, Средняя Зерафшанская долина, стр. 60). Ср. иногда проникавший термин *татарский* на фоне преобладающего употребления *тюркский* в рецензии В. В. Радлова и А. А. Куника (СПб., 1887) на монографию П. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар». Ср. «народы *турецкого* племени» в работе В. В. Радлова «К вопросу об уйгурах» (Прил. к «Зап. Имп. АН», СПб., 1893, т. LXXII, № 2, стр. 76).

[180] См., например: В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, ч. I—10, СПб., 1866—1904; его же, Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV, СПб., 1893—1911.

[181] См., например: С. В. Ястремский, Падежные суффиксы в якутском языке, Иркутск, 1898, стр. 4 и сл.

[182] См. об общетюркском характере термина *тӱркӣ*: А. Зайончковский, К изучению средневековых памятников тюркской письменности, стр. 83. В дополнение к приводившимся выше русским свидетельствам о языке *тюркӣ* см. также: «Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии»,— ЗРГО, 1849, III, стр. 206.

[183] Цит. по: С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, Пг., 1915, Приложение III, стр. 187; см. также Приложение II — «Условия мира России с Хивою...», где имеется аналогичная оговорка о «тюркском тексте сего договора» (стр. 178). Употребление термина *тюркский* в тексте этих документов тем выразительнее, что сам С. В. Жуковский придерживается родового наименования *турецкий* (там же, стр. 71 и сл.).

утверждающих путь прямого проникновения слова *тюркский* в русский язык из тюркских языков — в этом и подобных случаях, по-видимому, речь не может идти о посредничестве немецкого языка.

С другой стороны, возраставшее национальное самосознание тюркоязычных народов России в ряде случаев вело к отказу от «колонизаторского» наименования (вроде «сарт» для современных узбеков или «татар» для современных азербайджанцев), к стремлению противопоставить такому наименованию самоназвание. Не удивительно, что в ряде случаев таким самоназванием стало обобщающее имя *түрк*. Так, для обозначения современного узбека в национальной печати начала XX в. были приняты *түрк, түркістанлі түрк* и соответственно для языка — *түркча* [184]. *Түрк* было принято как самоназвание и современными азербайджанцами — еще в 1866 г. Л. М. Лазарев отмечал, что «адербиджанские мусульмане отнюдь не называют себя татарами, а турками...» [185]. Отдельные татарские писатели также пытались в начале нашего столетия «вывести из употребления имя „татар", заменив его или именем *тюрк,* или именем булгар, и т. п.» [186]. Возникала, таким образом, угроза смешения *тюркский* как обобщающего наименования и как названия нескольких разных тюркских языков и народов.

4.8. В создавшейся ситуации часть тюркологов почла за меньшее зло именовать родовое этническое понятие традиционным для русского языка словом *турецкий.* В русском книжном языке для этого складывались как будто благоприятные обстоятельства: с одной стороны, употребительная не только в узкоспециальной литературе композита *турецко-османский* (или *османско-турецкий,* часто даже просто *османский* [187]) высвобождала по крайней мере в книжном стиле от этого конкретного обозначения семантическую клетку *турецкий;* с другой стороны, почти вековое участие слова *турецкий* в составе обобщающей композиты *турецко-татарский* также предрасполагало к тому, чтобы это слово, освободившись в книжном языке от конкретного значения, приняло на себя иную семантическую нагрузку и стало выразителем родового этнического понятия. Одним из первых Ф. Е. Корш еще в 1889 г. пытался положить предел терминологическому раз-

[184] См. об этом: А. К. Боровков, Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг., Ташкент, 1940, стр. 13.

[185] Л. М. Лазарев, Сравнительная хрестоматия, стр. 11.

[186] А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как тюрколог, стр. 25, прим. 2.

[187] Ср., например: «турецкий, под которым разумеется собственно *османский,* язык турок Румелии и Анатолии» (Н. И. Веселовский, Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, стр. 96).

нобою и призывал отдать предпочтение словам *турецкий, турки* в приложении «ко всем народам, которые называют (или называли) свой язык турецким (*тӱрк тілі*)»[188]. Позднее он подкрепил свой призыв ссылкой на западноевропейскую традицию: «...тамошние ученые не боятся называть „турецкою" (turque, türkisch, turkish, turkisk, turco и т. д.) всю ту семью языков, к которой принадлежит османский язык», а заключил следующим: «А если „тюркский" не особенно нужно, то лучше предать его забвению, потому что оно (как и „петербургский") произведено просто безграмотно, с грубыми нарушениями законов нашего словообразования»[189].

Несмотря на всю эту аргументацию, преодолеть изустную традицию конкретного, видового употребления слов *турецкий, турок* оказалось нелегко, прежде всего потому, что, как указывал и сам Корш, такое значение «сложилось у нас по причинам историческим»[190]. Вполне понятно поэтому, что для утверждения в научном обиходе слова *турецкий* «в необыденном значении» понадобилось не одно авторитарное заявление. Особенную категоричность и настойчивость в этом вопросе проявил А. Н. Самойлович, выступивший публично с аналогичными заявлениями в 1907, 1909, 1912 и 1914 гг. Для «тех, кто не решаются пользоваться словом „турок" в необыденном его значении, боясь быть непонятыми», А. Н. Самойлович ссылался на авторитет Ф. Е. Корша, П. М. Мелиоранского, В. В. Бартольда, К. Иностранцева, В. А. Гордлевского и других[191], приводя мнение П. М. Мелиоранского на этот счет: «Часть ученых (преимущественно немецких) усвоила значительной части турецких наречий название „тюркских" для того, чтобы не подавать повода к смешиванию разного

[188] Ф. Е. Корш, О турецком языке семиреченских надгробных надписей, стр. 67, прим. 1. В более ранней его работе («Способы относительного подчинения», М., 1877, стр. 37, 39 и сл.) *турки* и *тюрки* встречаются вперемешку.

[189] Ф. Е. Корш, Происхождение формы настоящего времени в западнотурецких языках, стр. 1, прим. 1. Тем не менее, как показали наши материалы, вариант прилагательного *туркский*, хотя и эпизодически, встречался в памятниках русского языка с давних пор (см. об этом выше). Заметим также, что, отвергая *тюркский*, Ф. Е. Корш пользовался палатализованными вариантами дериватов: *тюркологи, тюркменский* (там же, стр. 5).

[190] Там же, стр. 1, прим. 1.

[191] А. С[амойлович], [рец. на:] П. К. Коковцов. К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья,— ЖС, 1909, вып. II—III, стр. 294 и прим. 1 к стр. 294. Впоследствии список этих ученых пополняется именами П. К. Коковцова (которого в своей рецензии А. Н. Самойлович еще упрекал за непоследовательное использование термина *тюрк* — указ. рец., стр. 294), А. Д. Руднева, С. Е. Малова, А. А. Олесницкого — см.: А. Н. Самойлович, Вильгельм Томсен как тюрколог,— «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приморского отдела РГО», т. XV, вып. 1 (1912), СПб., 1914, стр. 16—17, прим. 2.

рода турецких и „татарских“ племен и наречий с турками-османами, которых в публике привыкли считать и называть „турками“ par excellence. Однако в научной литературе давно уже утвердилось за европейскими турками название османов, или лучше „османлы“... Поэтому мы присоединяемся к тем ученым, которые не считают нужным вводить два термина „турок“ и „тюрк“, так как все вышепоименованные народы и племена с таким же правом могут носить объединяющее их имя „турок“, как всевозможные славяне... имя славян» [192]. Придирчиво анализируя фонетический облик слова *тюрк,* А. Н. Самойлович подчеркивает, «что слово „турок“, отстоя от истинного „тӳрк“ отнюдь не дальше, чем слово „тюрк“ (= тьурк. В обоих случаях вводятся по два фонетических изменения), имеет в свою пользу почтенную давность в русском языке» [193].

Приведенная в начале статьи подборка материала из памятников русского языка разного времени призвана показать, что варианты *тюрк, тюрецкий/тюркский* (ср. *туркский)* издавна не были чужды русскому языку — они появились здесь в результате исторически складывавшихся непосредственных дипломатических, торговых, культурных сношений России с сопредельными тюркоязычными народами (отметим, кстати, что довольно интенсивное употребление этих палатализованных вариантов наблюдается в русских деловых памятниках XVII в.) и были обусловлены стремлением возможно точнее отразить самоназвание того или иного из этих народов (см. об этом выше). Во всяком случае собранный материал свидетельствует, что было бы ошибочно видеть в русск. *тюрк, тюркский* только результат немецкого влияния. Не отрицая стимулирующего воздействия немецкой традиции (Türk, türkisch) на русский книжно-научный узус позднего периода, не следует в то же время забывать, что в народно-языковой памяти сохранялись старые (хотя и менее распространенные) варианты *тюрк, тюрецкий,* ср. *туркский ← тюркский,* активизировавшиеся в результате этого воздействия. Между тем замечание П. М. Мелиоранского о роли немецких ученых в усвоении русскими тюркологами, а

[192] П. М. Мелиоранский, Турецкие наречия,—«Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. XXXIV, стр. 159. См. также: А. Самойлович, Памяти П. М. Мелиоранского,— ЗВОРАО, 1907, т. XVIII, вып. 1, стр. 07.

[193] А. Самойлович, Памяти П. М. Мелиоранского, стр. 07. Вместо комментария к словам А. Самойловича о «почтенной давности в русском языке» варианта *турок* напомним о приведенных выше материалах из памятников русского языка разного времени, которые достаточно выразительно показывают, что вариант *тюрк* был не так уж чужд русскому языку на протяжении его истории.

затем и русским книжным языком термина *тюркский* с годами обернулось в категорическое отнесение этих слов к «германизмам» (иногда — к заимствованиям из французского) [194].

При таком подходе не удивительно, что *тюрк* и *тюркский* квалифицируются как «лишние неологизмы» [195], которые «все заметнее выходят из употребления в русской научной литературе по востоковедению, уступая свое место старинным словам „турок“ и „турецкий“ в качестве общенационального имени той группы племен...» [196].

4.9. Здесь сам собой напрашивается вопрос о роли и пределах сознательного регулирования научной терминологии. В рассматриваемом случае упорядочения социоэтнонимической терминологии оказался недостаточным учет экстралингвистических факторов: именно этот вид терминологии проявил себя как чрезвычайно тесно связанный с общественно-политическим «контекстом» современности. Нельзя, разумеется, ставить в вину Ф. Е. Коршу, А. Н. Самойловичу и другим ученым то, что они, считая освободившейся «семантическую клетку» *турецкий* благодаря довольно широкому распространению деривата *османский* в книжном языке и ратуя за обобщающее использование именно слова *турецкий,* не могли предвидеть надвигающихся событий 20-х годов. Кемалистская революция и свержение османской династии, провозглашение Турции республикой в 1923 г. изъяли слово *османский* из широкого обихода самой Турции, оставив его лишь для обозначения минувшего исторического периода. Тем самым и в русском языке употребление слова «османский» во вторичном этнонимическом значении как самостоятельно, так и в составе композиты *турецко-османский, османско-турецкий* теряло под собой реальную почву, а слово *турецкий* закреплялось в своем изустно-традиционном конкретном значении. В этих условиях перед словом *тюрк, тюркский* открылись те самые широкие перспективы развития, признать которые за этим «излишним неологизмом» отказывались Ф. Е. Корш и А. Н. Самойлович всего лишь в начале нашего века.

5. Такой была перспектива развития изучаемого узла слов; практически же сразу после Октябрьской революции словоупотребление в этой области изменилось только в од-

[194] См.: А. Преображенский, Этимологический словарь, вып. последний, стр. 21; M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, 21. Lfg., стр. 164.

[195] А. С[амойлович], [рец. на:] П. К. Коковцов. К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья, стр. 294. В менее категорической форме предложение об «излишности» слов *тюрки, тюркский* повторил А. Преображенский (см. его «Этимологический словарь русского языка», вып. последний, стр. 20).

[196] А. Н. Самойлович, Вильгельм Томсен как тюрколог, стр. 16, прим. 2.

ном — в качестве официального наименования основного населения Советского Азербайджана наряду с использовавшимся словом *азербайджанцы*[197] утвердилось слово *тюрки*[198], то самое название, которое не было принято ни для узбеков, ни для татар, хотя попытки ввести это имя в качестве самоназвания делались и теми и другими. Соответственно современный азербайджанский язык назывался *тюркским;* от слова *тюрк* был образован женский род — *тюрчанка* (кстати, слово это фактически исчезло из живого употребления[199], и это связано именно с утратой словом *тюрк* своего конкретно-видового значения). В результате того, что в официальных документах были приняты такие наименования, как «Азербайджанская ССР», «гражданин Азербайджанской ССР», и в то же время население Азербайджанской ССР именовалось «тюрками», а их язык — «тюркским»[200], возникли синонимические «ножницы», не позволяющие единообразно называть складывавшуюся социалистическую национальность. В целях достижения такого единообразного именования вновь прибегли к определительным словосочетаниям — так появились

[197] См.: И. В. Сталин, Об очередных задачах партии в национальном вопросе (1921 г.),— Сочинения, т. 5, М., 1954, стр. 23; «Бюллетень Орг. Комиссии по созыву I Всесоюзного тюркологического съезда», № 2, Баку, 1926, стр. 12, 13; см. также доклад А. Н. Самойловича об унификации тюркских алфавитов в кн.: «Стенографический отчет IV пленума ВЦК НА», Л., 1931, стр. 196, 197, 198.

[198] См., например: «Известия восточного фак-та Азерб. гос. ун-та». Востоковедение, Баку, 1928, т. III, стр. 5 и сл.; журн. «Революция и национальности», 1933, № 4, стр. 38, № 5—6, стр. 99, № 12, стр. 40, 41; 1934, № 10, стр. 67, № 11, стр. 76. Это значение слова *тюрки* в качестве живого ощущал еще Д. Н. Ушаков (см. «Толковый словарь русского языка», под ред. Д. Н. Ушакова, т. IV, М., 1940, стлб. 843), однако, например, Е. Д. Поливанов уже в 1935 г. применял слово *тюркский* в отношении к азербайджанскому с существенными оговорками: «азербайджанский (или „тюркский" в узком смысле этого слова)» (Е. Д. Поливанов, Материалы по грамматике узбекского языка, стр. 4).

[199] Слово *тюрчанка* зафиксировано в кн.: «Толковый словарь русского языка», т. IV, стлб. 843. «Словарь современного русского литературного языка» (т. 15, стлб. 1219) дает слово *тюрчанка* (в словарной статье *тюрк)* как живое, ссылаясь в качестве первой фиксации на словарь Ушакова; там, однако, оно было производным именно от *тюрк* в его конкретно-видовом значении. Ныне слово *тюрчанка* забыто настолько прочно, что, например, в корреспонденции К. Лавровой «Красная учительница» («Комсомольская правда», № 80, 5.IV.1968), где речь идет о «тюркском населении на Кавказе», в этом значении используется композита «тюрки-женщины».

[200] См.: «Конституция (основной закон) Азербайджанской ССР, утвержденная Всеазербайджанским съездом Советов 1-го созыва 19 мая 1921 г.», Баку, 1926, стр. 25 («надпись на новом и старом *тюркском* алфавите...»); «Проект измененного текста Конституции Азербайджанской ССР», изд. АзЦИК'а, 1925, стр. 22 (то же самое); «Конституция (основной закон) Азербайджанской ССР», Баку, 1931, стр. 32 («с надписью... латинизированным алфавитом *по-тюркски*»); «Конституция (основной закон) Азербайджанской ССР», Баку, 1935, стр. 24 («с надписью на *тюркском* языке»).

азербайджанские тюрки[201], или *азербайджанские турки*[202], а для названия языка — композиты *азербайджанско-турецкий*[203], *азербайджанско-тюркский*[204], *азербайджано-тюркский*[205]. Громоздкая старомодность подобных речений противоречила современным требованиям. В связи с обсуждением Проекта Конституции СССР и ее принятием в 1936 г. была упорядочена этнонимическая терминология, касающаяся названия народов и народностей Советского Союза. В качестве официальных наименований были приняты в числе других *азербайджанцы, азербайджанский язык*[206]. Таким образом, семантическая клетка *тюрк, тюркский* на этот раз полностью освобождалась от обозначения конкретно-видовых понятий.

Обозначение собственно турецкого языка как *османский* или в виде композиты *османско-турецкий* в отдельных трудах русской востоковедной литературы задержалось вплоть до середины 30-х годов[207]. Новая композита с географическим уточнителем — «анатолийские турки», «анатолийско-турецкий»[208] — появилась впервые в трудах А. Н. Самойловича и

---

[201] См.: БСЭ[1], т. I, М., 1926, стлб. 638 и сл.; «Известия восточного фак-та Азерб. гос. ун-та». Востоковедение, III, стр. 118—123.

[202] См.: А. Н. Самойлович, Кавказ и турецкий мир,— «Известия Об-ва обследования и изучения Азербайджана», 1926, № 2; его же, Персидский турколог XVIII в. Мирза Мехди-хан,— там же, 1928, № 5, стр. 8.

[203] См.: А. Самойлович, Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка, стр. 8, 9.

[204] А. Н. Самойлович, Разработка научной терминологии на языках тюркской системы (термины по астрономии на азербайджанско-тюркском языке).

[205] Н. Яковлев, Тезисы к докладу «Современное положение и перспективы», стр. 8, 9, 11.

[206] См.: «Конституция (основной закон) Азербайджанской ССР», Баку, 1938, стр. 17 («Законы... публикуются на *азербайджанском,* русском и армянском языках»). А. Н. Самойлович отказался от композит «азербайджанско-турецкий», «азербайджанско-тюркский», последней из которых он пользовался еще в 1936 г., и стал употреблять *азербайджанский* (см.: А. Самойлович, Памяти великого тюрколога В. В. Радлова,— «Революция и национальности», 1937, № 2(84), стр. 81). Ср.: А. Н. Самойлович, Тюркология и новое учение о языке,— сб. «Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру. XLV», стр. 113 («азербайджанцы»).

[207] См.: А. Самойлович, Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка; Н. К. Дмитриев, Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию,— ДАН СССР, серия В, 1928, № 12, стр. 268 («османско-турецкого языка», «османской диалектологии»); Н. Я. Марр, О языке и истории абхазов, М.—Л., 1938, стр. 205 («в османском и казанском турецких языках», «у османских турок»).

[208] Композита с географическим уточнением — «румелийско-турецкий» — иногда и раньше употреблялась в отношении к османско-турецкому языку (см., например: I. Bérésine, Recherches sur les dialectes musulmans,— «Уч. зап. Казанск. ун-та», 1849, кн. II, стр. 26), основой для которого были диалекты балканских турок [М. Моллова, Опыт фонетической (консонантической) классификации тюркских языков и диалектов огузской группы,— ВЯ, 1968, 3, стр. 93].

В. А. Гордлевского[209] и применительно к турецкому языку была в употреблении вплоть до 1936 г., анахронически задержавшись в отдельных работах и позже[210]; в применении к диалектам турецкого языка эта композита и сейчас используется в турецкой диалектологии[211]: «анатолийско-турецкие диалекты» в противовес, например, балканско-турецким или турецкому диалекту на Кипре. В 20-е годы в целом ряде работ термин *турецкий* все более тесно связывался именно с видовым понятием, а не с родовым. В 1928 г. В. А. Гордлевский выпустил «Грамматику турецкого языка»[212], при этом, правда, подчеркивал, что «термин турецкий напрашивается все-таки на разъяснение»[213]. Сила инерции была такова, что пояснения и оговорки были нужны еще в 1935 г. и даже в 1939 г., когда Е. Д. Поливанов и Н. К. Дмитриев писали о «турецком в узком смысле слова»[214].

---

[209] А. Н. Самойлович, Персидский турколог XVIII в. Мирза Мехди-хан, стр. 6, 8; его же, Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV—XVII вв.,— «Зап. Ин-та востоковедения АН СССР», Л., 1932, I, стр. 125, 127; «Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру. XLV», М.—Л., 1935, стр. 165; В. А. Гордлевский, Игры анатолийских турок,— «Известия Об-ва обследования и изучения Азербайджана», Баку, № 5, 1928. В. А. Гордлевский предлагал также вслед за историком турецкой литературы Гиббом называть турок «анатолийцами, а их язык — малоазиатско-турецким» (Вл. Гордлевский, Грамматика турецкого языка, М., 1928, стр. IV). Хотя композита *анатолийско-турецкий* в этом ее значении со временем оказалась избыточной (практически она употребляется в турецкой диалектологии, при противопоставлении балканско-турецким диалектам анатолийско-турецких), все же соответствующее сочетание *анатолийские турки* совершенно избыточно еще используется в отдельных работах (см.: Г. Г. Мусабаев, Некоторые сведения о жизни Махмуда Кашгари,— сб. «Исследования по тюркологии», Алма-Ата, 1969, стр. 49).

[210] См.: С. Е. Малов, К изучению турецких числительных,— в сб.: «Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру. XLV», стр. 276: «в анатолийско-турецком (османском) языке»; его же, Талласские этнографические памятники,— «Материалы Узкомстариса», вып. 6—7, М.—Л., 1936, стр. 36 («анат.-турецк.»), стр. 35 (с обратным порядком компонентов: «турецко-анатолийск.»); А. К. Боровков, Учебник уйгурского языка, Л., 1935, стр. 209; С. Толстов, К истории древнетюркской социальной терминологии, стр. 79, 81 и сл.; А. К. Боровков, Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг., Ташкент, 1940, стр. 8 — в последних двух работах «анатолийско-турецкий язык» использован на фоне возобладавшего употребления *тюркский* в обобщающем значении.

[211] См., например: М. Моллова, Опыт фонетической классификации, стр. 82 и сл.

[212] См. также: Х. Джевдет-заде, А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого языка.

[213] Вл. Гордлевский, Грамматика турецкого языка, стр. III. См. также разъяснения по поводу «турецкого диалекта» в кн.: В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, Казань, 1934, стр. 13.

[214] Е. Д. Поливанов, Материалы по грамматике узбекского языка, Ташкент, 1935, стр. 3; Н. К. Дмитриев, Строй турецкого языка, стр. 3.

По причине официально санкционированного использования слова «тюрк» для обозначения видового этнопонятия «азербайджанцы», а также из-за отсутствия в русском книжном языке общеупотребительного наименования для современных тюрков в 20-х и начале 30-х годов нашего столетия в отечественной тюркологии сохраняется прежняя сложная картина сосуществования различных вариантов обобщающего имени тюркоязычных народов.

Терминологическая неупорядоченность отразилась даже и на тех работах, авторы которых отдавали предпочтение одному из ряда употреблявшихся терминов[215]. Наряду со словами *тюркский, турецкий* в обобщающем значении использовались и отвергнутые В. В. Радловым, П. М. Мелиоранским, А. Н. Самойловичем и другими видными тюркологами композиты *тюрко-татарский*[216] и даже *турко-татарский, турецко-татарский*[217].

В тюркологии эта композита в варианте *тюрко-татарский*

---

[215] См., например: П. А. Фалев, Введение в изучение тюркских литератур и наречий, Ташкент, 1922, стр. 5 («алтайских и приалтайских тюрков»), стр. 13 («алтайских и приалтайских турков» — на фоне почти исключительного использования *тюркский* как родового имени); Е. Д. Поливанов, Новая казак-киргизская (Байтурсуновская) орфография,— «Бюллетень САГУ», 1924, 7, стр. 36 («обще-турецкому»), стр. 37 («турецких языков»), но стр. 38 («с общетюркской точки зрения», «другими тюрками», «едином тюркском литературном языке»); Н. Н. Поппе, Тезисы о родственных связях *тюркских* языков с монгольскими, тунгусскими, финно-угорскими и самоедскими,— «Бюллетень Орг. Комиссии по созыву I Всесоюзного тюркологического съезда», Баку, 1926, № 2, стр. 18 («язык древне*турецких* памятников», «к *турецкому* праязыку»).

[216] Интересно заметить, что композита *тюрко-татарский, тюркско-татарский* употреблялась прежде всего азербайджанскими учеными, стремившимися так именно выделить обозначение родового понятия, см.: Б. Чобан-заде, Предварительное сообщение о кумыкском наречии. Положение кумыкского наречия среди других тюрко-татарских наречий,— «Известия Об-ва обследования и изучения Азербайджана», 1926, № 1; «Бюллетень Орг. Комиссии по созыву I Всесоюзного тюркологического съезда», Баку, 1926, № 1, стр. 3, 4, № 2, стр. 22, 25; «Известия Азербайджанского гос. ун-та». Обществ. науки, Баку, 1926, т. 6—7, стр. 258; В. Б. Шостакович, Историко-этнографическое значение названий рек Сибири,— «Известия ВСО РГО», т. XLIX. Сборник секций землеведения и экономической, вып. 2, Иркутск, 1926, стр. 118.

[217] См.: «Бюллетень Орг. Комиссии по созыву I Всесоюзного тюркологического съезда», 1926, № 1, стр. 11 («турецко-татарский»), стр. 12 («турко-татарский», «турко-татары»). У Н. Я. Марра композита «турецко-татарский» (Н. Я. Марр, К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории,— «Известия АН СССР», VI серия, 1926, т. XX, № 5—6, стр. 353) встречалась параллельно с обобщающим использованием слова *турецкий* (там же, стр. 354; см. еще прочитанный в 1926 г. в Азербайджанском университете доклад Н. Я. Марра «Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков»).

задержалась вплоть до 1934 г.[218], несмотря на то что, например, А. Н. Самойлович высказывался со всей определенностью против этого устаревшего образования[219].

Особенно интересно проследить терминологическую эволюцию в трудах А. Н. Самойловича, тюрколога, всегда необыкновенно чуткого к языковым ситуациям и к воздействию экстралингвистических факторов. Он долго и совершенно последовательно придерживался употребления в качестве родового термина *турецкий,* полностью игнорируя *тюрк, тюркский* даже и в применении к азербайджанцам, которые фигурируют в его трудах под именем «азербайджанских турок», а их язык — как «азербайджанско-турецкий». Впоследствии (особенно во время научной командировки А. Н. Самойловича в Турцию) ученый увидел, какие ограничения в своем употреблении претерпела композита «османско-турецкий», относимая теперь только к минувшему историческому периоду, насколько искусственно вновь придуманное сочетание «анатолийско-турецкий». Все это вынудило А. Н. Самойловича согласиться с подсказанным самой жизнью закреплением слов *турок, турецкий* за видовым понятием; в то же самое время ученый фактически снял свои давние возражения против «лишних неологизмов» *тюрк, тюркский,* которые он начиная с 1933 г. использует в качестве родового термина[220]. Примечательно, что при замене обобщающей терминологии в трудах А. Н. Самойловича первоначально в нетронутом виде остались такие производные, как *турколог, тюркология, туркологический*[221], а также композита *турко-монголь-*

[218] И. Хансуваров, Латинизация — орудие ленинской национальной политики, М., 1934 (глава «Латинский алфавит среди тюркских татарских народов после Октябрьской революции» — здесь привычная композита заменена парой соположенных прилагательных); М. И. Идрисов, Разработка стандартов комплектовки тюрко-татарских шрифтов,— «Письменность и революция», I, М.—Л., 1933, стр. 82; В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, стр. 5 («языков тюрко-татарского семейства»).

[219] А. Самойлович, Кавказ и турецкий мир, стр. 5.

[220] См.: А. Самойлович, Языковое строительство в Турции,— «Письменность и революция», I, стр. 190 («других тюркских языков», «других исторических тюркских лексиконов» и т. д.); его же, Иранский героический эпос в литературах тюркских народов Средней Азии,— сб. «Фердовси. 934—1934», Л., 1934.

[221] См.: А. Н. Самойлович, Туркология и новое учение о языке,— сб. «Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру. XLV», стр. 118, 119. В статье А. Н. Самойловича 1937 г. «Памяти великого тюрколога В. В. Радлова» (стр. 79 и сл.) фонетический облик производных выравнен по обобщающему термину *тюрк, тюркский:* «тюрколог», «тюркология», «тюркологические», хотя, например, в работе А. Бернштама «О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии» (сб. «Памяти академика Н. Я. Марра», М.—Л., 1938, стр. 20) дериват продолжает удерживаться в своем устарелом виде — «турколог».

ский[222], которые теперь уже стали вкраплениями на общем фоне иного словоупотребления: «языки тюркской системы», «тюркские народы», причем, даже цитируя, например, Н. Я. Марра, А. Н. Самойлович в скобках выправлял его устаревшую терминологию: «Но родство с турками (тюрками.— *А. С.*)... турецкие (тюркские.— *А. С.*) языки»[223].

Для характеристики словоупотребления того времени укажем, что в том же сборнике, «Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру. XLV», были опубликованы статьи С. Е. Малова «К изучению турецких числительных» и А. К. Боровкова «Природа „турецкого изафета"», где *турецкий* еще использовался как родовой термин; в работах же Е. Д. Поливанова *турецкий* в родовом значении неизменно давался в кавычках и сопровождался пояснением в скобках — *тюркский*[224]. Уже в статье 1936 г. А. К. Боровков переменил обобщающий термин на *тюркский*[225]. Закрепление официальных наименований *азербайджанцы, азербайджанский язык,* с одной стороны, и укоренение этнонима *турок (турецкий)* в его современном конкретно-видовом употреблении — с другой, при утрате соответствующих громоздких и искусственных композит окончательно решил судьбу слов *тюрк, тюркский:* они превратились в общепринятые родовые этнонимические обозначения[226].

6. Современная отечественная тюркология, преодолев все изгибы и повороты на долгом и трудном пути формирования тюркской этнолингвистической терминологии в русском научном стиле, воспитала не одно поколение тюркологов на единообразии и стройности терминологии в изучаемой области[227].

---

[222] См.: А. Н. Самойлович, Н. Я. Марр как востоковед,— «Проблемы истории докапиталистических обществ», М.—Л., 1935, № 3—4, стр. 46, 49.

[223] См.: А. Н. Самойлович, Туркология и новое учение о языке; его же, Н. Я. Марр как востоковед.

[224] См.: Е. Д. Поливанов, Материалы по грамматике узбекского языка, вып. I, стр. 3 и сл.

[225] См.: А. Боровков, О частях речи в языках тюркской системы,— «Революция и письменность», М., 1936, № 2.

[226] Некоторое время *турки, турецкий* еще сохранялись в своем родовом значении в отдельных работах (см., например: Н. Я. Марр, О языке и истории абхазов, М.—Л., 1938, стр. 216, 235, 289, 320, 327), поэтому в т. IV «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова это значение слова *турки* еще давалось как живое, хотя для *турецкий* оно уже не приводилось (стлб. 830).

[227] Здесь будет нелишним напомнить о той скрупулезной работе, прежде всего в области терминологии, которую произвел Н. К. Дмитриев в качестве редактора второго издания книги В. А. Богородицкого «Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками» (изд. 2, исправл. и дополн., Казань, 1953),— книги, которую и автор и редактор

В частности, русское решение терминологического затруднения в плане смысловой дихотомии *тюрк — турок* признано «наилучшим, потому что оно не ограничивается только вопросом орфографии» [228].

Тем более неоправданным выглядит возврат к давно устаревшим и изжитым обобщающим названиям тюрков, который наблюдается в отдельных специальных работах, и особенно — в общеязыковедческих [229].

Именно использование устарелой этнолингвистической терминологии, смешение обобщающего термина *тюрки* и видового *турки* (в национальных республиках этому способствует подчас только лишь орфографическое различение их, см. ногайск. *тюрк* и *туьрк,* тувинск. *тyрк* и *турк;* ср. кирг. *түрк тили* и *турция тили, турциялыктарча)* послужили поводом для спора между историками Средней Азии, который разгорелся в начале 50-х годов. К заявлениям «идейных» противников в этом споре как нельзя лучше подходят слова Декарта, которые напомнил А. С. Пушкин в одной из своих критических статей: «Определяйте значение слов, и вы изба-

---

тоже рассматривали как учебное пособие. Руководствуясь прежде всего интересами студентов, приобщающихся к незнакомой ранее терминологии, Н. К. Дмитриев последовательно изменял всю устаревшую этнолингвистическую терминологию, в том числе отказался от обозначения «тюрко-татарские», оставив общепринятое «тюркские» (Н. К. Дмитриев, От редактора,— там же, стр. 4). В публикациях научного тюркологического наследия возможен и уместен иной подход к терминологическим вопросам, см.: «От Редакционной Коллегии...»,— в кн.: В. А. Гордлевский, Избранные сочинения, т. I, М., 1960, стр. 5.

[228] J. Deny, L'osmanli moderne et le türk de Turquie,— «Philologiae Turcicae fundamenta», I, Wiesbaden, 1959, стр. 185.

[229] См., например, употребление композиты *тюрко-татарский:* К. И. Ваврa, Терминология родства венгерского и мансийского языков. Автореф. канд. дисс., Тарту, 1970, стр. 17; А. А. Булакаева-Баранникова, Лексическое взаимовлияние русского и татарского языка,— «Уч. зап. Бурят-Монгольск. пед. ин-та», вып. XI, Историко-филологическая серия, 1957, стр. 176, 183 и сл.; Б. К. Пашков, Предисловие,— в кн.: Г. Рамстедт, Грамматика корейского языка, М., 1951, стр. 6, 9—10; А. А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1967, стр. 423, 425, прим. 2; его же, Введение в языкознание, М., 1960, стр. 346, 347; его же, Введение в языкознание, М., 1955, стр. 332, 333; его же, Введение в языковедение, М., 1947, стр. 146. Становления обобщающего термина тюркской этнонимии в русском языке не смог увидеть М. Фасмер, весь этимологический словарь которого пронизан пометой «turkotatarisch», см.: M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, 27. Lfg., 1958, стр. VII («Turkotatarisch»); 21. Lfg., 1956, стр. 164 («тюрки „gelehrte Bezeichnung der Turkotataren"»). Вряд ли А. Н. Самойлович мог предполагать, что и во второй половине XX в. будут так «упорно продолжать говорить и писать „тюрко-татарские"» (см. его «Кавказ и турецкий мир», стр. 5). Подробнее о «гальванизации» устаревших терминов в наше время см.: Г. Ф. Благова, Против архаизации тюркологической и алтаистической терминологии,— НАА, 1970, 1.

вите свет от половины его заблуждений»[230]. Ср., например, такое заявление: «Мы должны вести беспощадную борьбу против попытки причислить узбекский народ к тюркской национальности. Слово „тюрк" не может служить термином, определяющим национальную принадлежность узбеков»[231]. В ответном выступлении Л. В. Ошанина нашло отражение давно отжившее свой век отождествление терминов *турки — тюрки:* «Остается неясным, в каком смысле В. Ю. Захидов не считает узбеков тюрками, или, все равно, турками? Эти термины чисто лингвистические и в лингвистике употребляются как синонимы»[232].

Представляется самоочевидным положение о том, что общее языкознание или любая другая отрасль науки, пополняя свою терминологию из специальной, в том числе этнолингвистической, не может не считаться с развитием в данном случае тюркологии как самостоятельной научной дисциплины, с ее все усиливающимся терминологическим нормированием.

Думается, что отражения хотя бы в какой-то мере процессов упорядочения рассмотренных этнолингвистических терминов, использующихся и за пределами тюркологии, можно было бы ожидать от семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка», соединившего в себе принципы толкового словаря со «стремлением... к более четкому раскрытию исторической перспективы при определении значений слова»[233]. Между тем в словарных статьях *турки* и *турецкий* даже не упоминается об устаревшем обобщающе-родовом значении этих слов[234] — в результате из истории

---

[230] Цит. по: В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка,— сб. «Исследования по славянскому языкознанию», М., 1961, стр. 29.

[231] В. Ю. Захидов, Борьба за марксистско-ленинское освещение вопросов истории и истории культуры народов Узбекистана,— сб. «О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1951, стр. 39. Категоричность заявления В. Ю. Захидова основывалась, очевидно, на нерасчлененном употреблении термина *тюрк* и в обобщающем и видовом значениях, см. *османские тюрки* (там же, стр. 14, 58, 100 и сл.). Тем же самым смешением понятий грешат первое издание «Истории народов Узбекистана» (т. 2, Ташкент, 1947, стр. 32, 49 и сл.) и даже отдельные современные школьные учебники (см., например: В. А. Коринская, Л. Д. Прозоров, П. Н. Счастнев, География материков. Учебник для VI кл., М., 1969).

[232] Сб. «О марксистско-ленинском освещении...», стр. 76. Следует заметить, что указанный сборник в отношении этнолингвистической терминологии являет собой редкий образец предельной неразберихи.

[233] В. В. Виноградов, Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания,— ВЯ, 1966, № 6, стр. 12.

[234] Такое обобщающее значение указано для слова *татары,* однако без необходимой в данном случае пометы *устар.* (см. «Словарь», т. 15,

этих слов оказался выпавшим большой и важный период их эволюции, нарушена историческая перспектива семантического развития этих слов, а также искажены их исторически складывавшиеся отношения со словами *тюрки, тюркский*[235]. Прежняя (сравнительно недавняя) семантическая двузначность слова *тюрки* также не отражена в Словаре — следовало бы сослаться на устаревшее конкретно-видовое значение этого слова («название азербайджанцев»), отмеченное у Ушакова. Без такой ссылки приведенная парадигматика этого слова вводит читателя в заблуждение: чисто книжное обобщающее *тюрки* не нуждается в женском роде — *тюрчанка* относится к устаревшему конкретно-видовому обозначению (см. об этом выше, прим. 199).

Конечно, было бы немыслимо требовать от Словаря зафиксировать все композиты этнолингвистического содержания, о которых упоминалось выше: многие из них имели явно окказиональный характер и были недолговечными, хотя такие, как, например, *османско-турецкий (турецко-османский),* в меньшей мере — *анатолийско-турецкий,* имели хотя бы в тюркологии довольно широкое хождение и продолжают употребляться поныне. Другое дело композиты *турецко-татарский, тюрко-татарский:* их более чем вековая употребляемость в свое время перешагнула границы тюркологии, и следы некогда широкого распространения этих композит нет-нет и проявляются в современной научной литературе. Важная обобщающая функция этих композит в прошлом веке, равно как и относительная устойчивость их употребления за пределами тюркологии, при очевидной искусственности и несоответствии уровню развития современной науки сами по себе должны были сигнализировать составителям Словаря о необходимости отражения там композит *турецко-татарский, тюрко-татарский.*

стлб. 140). В историографической литературе, где против использования слова *татары* в том самом обобщающем значении, которое в «Словаре» приводится как соответствующее современной норме, уже давно высказывались самые категорические возражения (см. хотя бы: Х. Г. Гимади, Об употреблении названия «татары»,— «Вопросы истории», 1954, № 8), в настоящее время принят термин *татаро-монголы.* Этот термин в «Словаре» не зафиксирован, хотя гораздо менее терминированной композите *монголо-татары,* например, посчастливилось: она отмечена внутри словарной статьи «монголы» («Словарь», т. 6, М.—Л., 1957, стлб. 1225).

[235] Сведения «Словаря» о «первых» фиксациях слов *тюркский* (Б. энц. Южакова) и *тюрки* (Энц. слов. Брокг. и Ефр.) по меньшей мере неточны (не станем напоминать приведенные выше материалы, на основании которых проникновение этих слов в русский язык датируется намного раньше) и сильно приглажены: в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона *тюрки* и *турки* используются в одном и том же обобщающем значении на равных правах и одинаково часто

При включении в Словарь ряда слов, производных от *турок — тюрк,* составители часто руководствовались, видимо, чистой случайностью. В Словаре, например, представлены самостоятельными словарными статьями такие вряд ли теперь употребляемые (да и в прошлом малораспространенные) слова, как «туркофил, туркофильский, туркофильство, туркофоб, туркофобский, туркофобство»[236], или давно устаревшие «туркéня и туркúня»[237]. В то же время в Словаре нет слов *туркология* (одна из дисциплин, входящих в тюркологию), *туранский.* Этнонимические словарные статьи в Словаре разработаны недостаточно единообразно: если, например, в статье *турки* приводятся некоторые варианты, в известной мере демонстрирующие историю освоения этого слова, то другое, столь же давнее заимствование — *туркмены*[238] — фигурирует здесь только в этой своей довольно поздно стабилизовавшейся форме. Что же касается вполне отпочковавшегося варианта этого слова *трухмены* — имени «ставропольских (или северокавказских) туркменов» с их особым языком и особыми этническими чертами[239], то такое слово вовсе не упоминается в Словаре, хотя в специальной литературе оно появилось еще в начале XX в.[240]. Видимо, при составлении словарных статей этнонимического и этнолингвистического характера нельзя было ограничиваться тем кругом источников, который был достаточен в других случаях, и избегать обращения к специальной литературе.

7. Принимать во внимание уровень культуры, общих и специальных знаний в периоды проникновения тех или иных слов в русский язык оказывается особенно важным при изучении вариантных заимствований; не менее необходимо учитывать и всевозможные книжные воздействия (восточной мусульманской книжности и западноевропейской традиции), не исключая, разумеется, из круга обсуждаемых вопросов и воз-

---

[236] «Словарь», т. 15, стлб. 1154, 1155. При таком подходе, наверное, надо было включить и совсем анекдотическое *туркофаг,* которое тем не менее было в свое время зафиксировано некоторыми словарями, см., например: Н. Дубровский, Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык, 14-е изд., М., 1895, стр. 471, где *«туркофаг, туркоед,* ревностный боец против турок» приведено рядом с *«туркофил,* друг турок».

[237] «Словарь», т. 15, стлб. 1153.

[238] Там же, стлб. 1154.

[239] См.: Н. А. Баскаков, Тюркские языки, стр. 124—125; БСЭ[2], 43, 1956, стр. 548.

[240] См.: «По поводу статьи А. А. Володина „Трухменская степь и трухмены“»,— «Этнографическое обозрение», М., 1908, № 1 и 2; И. Л. Щеглов, Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии, т. I, Ставрополь, 1910; С. В. Фарфоровский, Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии, Казань, 1911.

можность разноязычных (или разнодиалектных) источников. Дело в том, что целый ряд восточных вариантных заимствований возник именно в результате проникновения одного и того же слова сначала изустным путем, а впоследствии книжным. Этим объясняется разная степень фонетической и морфологической[241] адаптации таких вариантных заимствований. В основе же их семантического обособления, при всей индивидуальности этого процесса для каждого случая, могут лежать своего рода семантические «ножницы»: они возникают прежде всего благодаря тому, что слово-оригинал продолжает развиваться в языке-источнике, приобретая новые значения, которых не было в момент первого, изустного заимствования и которые как раз и отразились в последующем, иногда книжном заимствовании; в то же время и первоначальное, изустное заимствование, пустив корни на русской почве, также претерпело своеобразное семантическое развитие[242]. Основа для семантического обособления вариантных заимствований может возникнуть и тогда, когда изустное заимствование было усвоено русским языком в значении, довольно далеко отстоящем от семантики слова-оригинала, которая была своеобразно трансформирована русским народным сознанием[243].

В случае *турок ~ тюрк* первый изустный вариант отразил только конкретно-видовое значение слова *тӱрк,* которое могло использоваться в тюркских языках в качестве названия отдельных народов, племен и родов. Более поздний по времени вариант *тюрк* первоначально отражал и это конкретно-видовое значение, и обобщающее значение, также свойственное слову-оригиналу.

---

[241] Ср., например, замечания Ф. Е. Корша о том, что от более позднего заимствования *тюрк* прилагательное «произведено просто безграмотно, с грубым нарушением законов нашего словообразования» (см. его «Происхождение формы настоящего времени», стр. 1, прим. 1). Это же замечание Корша можно было бы отнести, например, и к другой паре заимствований: *казак, казачий — казах, казахский.* Ср., однако, в современном русском языке вытеснение старых форм типа *кумыцкий, узбецкий, кюэрицкий* новыми: *кумыкский, узбекский, кюэрикский.*

[242] См. об этом: Г. Ф. Благова, Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах,*— сб. «Этнонимы», М., 1970.

[243] См. об этом: Г. Ф. Благова, Историко-этимологические заметки о словах *басурманин — мусульманин* и *магометанин — мухаммеданин (мохаммеданин),*— «Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка», М., 1969. Случай, когда проникновение изустного и книжного вариантов заимствования из-за сравнительно небольшого удельного веса для современной русской действительности обозначаемого им понятия не имел почвы для семантического развития каждого из вариантов в русском языке, рассмотрен в нашей статье «Тюркск. *чаҕатаj* — русск. *чагатай-/джагатай-*» («Тюркологический сборник. 1971», М., 1972).

Стимулируемая экстралингвистическими факторами семантическая специализация этих вариантных заимствований опиралась на разные степени их фонетической и морфологической адаптации. В итоге в русском языке обособились два самостоятельных слова — *турок* и *тюрк,* каждое со своим кругом значений, со своими специализованными парадигматикой и словообразовательными рядами (попутно заметим, что именно словообразование позднее всего отреагировало на размежевание этих двух слов).